

КАТЕРИНА СТАРК

СКАЗКИ
ТЁТУШКИ СТАРК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катерина Старк

Сказки тётушки Старк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70163446

SelfPub; 2023

Аннотация

В шатре тётушки Старк рассказывается много историй. Какие-то из них могут показаться до жути знакомыми, какие-то окажутся совершенно новыми. В сборнике собраны рассказы разных лет и разных жанров. Все, что их связывает это попытка взглянуть на знакомые сюжеты под новым углом.

Содержание

Ревность	4
Три поросенка	10
Если все пойдет по плану	13
Алиса	17
Тринадцать	21
Битва	29
Прости	35
Икона	37
Всевидящий слепец	44
Секрет Герострата	53
Несмеяна	57
3200 лет назад	69
Путь мужика	75
Эвридика	80
Фемида устала	87
Змея	93
Восточный путь	105
Шекспириада	109
Тоска	125
Метка	134
Пророк	138

Катерина Старк

Сказки тётушки Старк

Ревность

Ревность – это всего лишь слово. Оно никогда не передаст, почему сидишь в пять утра на темной кухне и наблюдаешь, как за окном ветер кидает из стороны в сторону дорожный знак на металлическом шнуре. Оно никогда не расскажет, как твое настроение швыряет, словно этот знак. А что-то держит, не даёт сорваться и упасть, не даёт быть унесённой ветром. И этот "шнур" – даже не привязанность. Ее уже быть не может. Все, как отрезало.

– Края бекона должны хрустеть, как чипсы, и смотри у меня, чтоб не сгорело ничего. Джинни чувствует, как ее резко вырывает из сна чужое желание. – Сделай мне завтрак: яичница, хрустящий бекон, апельсиновый сок и кофе. Сок выжми, кофе по-восточному. Только без магии. Ручками-ручками, – хозяйский тон не обязателен, Том знает, что она все равно исполнит приказ, но он довольно ухмыляется, когда наблюдает ее поклон и ловит короткое: «Слушаюсь и повинуюсь».

Поклон повторяется, и Джинни идет к холодильнику, а потом к плите. Для Тома ее больше не существует, пока на сто-

ле не появится тарелка с едой. И кофе. Кофе надо не забыть.

Хозяин включает смартфон, пальцы быстро перемещаются по экрану. Переписывается с кем-то, улыбаясь только уголками губ, что уже признак очень хорошего расположения духа.

«Опять с кем-то встречается вечером», – сцепив зубы думает Джинни и добавляет в яичницу чуть больше соли.

– А потом возвращайся к себе. Я вызову, если что, – хозяин выдыхает короткий смешок, глянув очередное сообщение от любовницы. Джинни комкает фартук в кулаках, не в силах сдвинуться с места. – Иди-иди, – он отмахивается. – Ну наконец-то, – выдыхает Том, все еще не отвлекаясь от переписки, когда она ставит перед ним тарелку с душистым беконом и яичницей с идеальным куполом желтка. – А сок не забыла? – на секунду он таки смотрит на стол. – Сейчас принесу...

Она кивает, приносит стакан, наполненный оранжевой мякотью и соком. И только потом, уже у себя, аккуратно заколдовывает дыры в прорванной ногтями ткани.

Ревность – следствие приобретенной паранойи и развитого с годами, но все же врождённого ума. Сложить два и два несложно. Как и понять, что никому нельзя доверять, что никто никому ничего не должен. Слово, из-за которого понимаешь: все это не про самооценку. Не в ней, падшей, де-

ло. А вот, когда тебя за дуру держат, – вот это действительно обидно.

– Я задерживаюсь на работе, пусть меня ждет горячая ванна. Ты знаешь, как я люблю. Без магии, – аргументы, что подерживать температуру воды, не зная точного времени его возвращения домой, на Тома не действуют. Да и не должны. Поклон, стандартная формула ответа – и она дома. Однажды ее вырывает из дома в офис к хозяину словно смерчем, просто по щелчку.

– А, ну да. Как всегда, без магии сделай. Через неделю хозяин зовет ее в спальню: – Хочу, чтобы стены в спальне ты выкрасила в красный, – лениво тянет он в воскресенье утром, толком не проснувшись. – И люстру новую, что-нибудь роскошное. Знаешь, такое, чтоб свисало и поблескивало. Займись этим перед вечеринкой, – громко зевнув, Том машет рукой, мол, «можешь идти», и Джинни, давит ухмылку. Поклон, и «слушаюсь...» уже срывается с губ. Еще два слова – и она не будет мучиться в кои-то веки, сделает все по щелчку и...

– ...и повинуюсь, – цедит сквозь зубы и выходит из комнаты. Джинни практически шипит от обиды, прикусывает губу, чтобы прийти в себя.

Расписавшись за доставку шикарной хрустальной люстры, Джинни наблюдает, как рабочие несут ее в спальню, кто-то из них тащит инструменты и стремянку (установка входит в стоимость).

– Ремонт, – кивает Джинни и только сейчас замечает красивую шатенку, заглядывающую в дом. Точеная фигура, коктейльное платье и кулон-бриллиант в несколько карат на тоненькой цепочке. – Что тут у нас? – вальяжно уточняет Том и переступает порог. Шикарный костюм-тройка и лакированные туфли. О да, он подготовился к этому вечеру.

Хозяин кивает и больше не замечает никого, увлекшись своей спутницей. Они щебечут о чем-то, они смеются, а у Джинни сердце замирает. Перед глазами темнеет, руки трясет так, что и щелкнуть бы не смогла, для применения магии.

– Оставьте, я дальше сама, – отправляет она работяг. Она медленно поднимается по лестнице и идет в хозяйскую спальню. Рабочие только-только освободили хрустальную роскошь от пенопласта и пупырчатой пленки.

Щелчок пальцев – и под потолком расцветает хрустальный цветок, включенный свет играет на гранях его лепестков. Оглядывает комнату. Смотрит на люстру. Красные стены и поблескивающие висюльки. Конечно, она сможет.

Гости уже шумят за дверью, в звонок трезвонят не переставая, все новые и новые машины подъезжают к дому. Но Джинни не может им открыть, она занята. Нужно до вечеринки сделать стены красными. А еще, еще же надо украсить люстру, чуть не забыла, глупая.

Джинни опускает руку в ведро, черпает из него густую, красную жидкость и размазывает ее по еще не окрашенному участку стены. «Скоро свернется, надо поторопиться», – ду-

мает она и просто выплескивает на стену остатки из ведра. Металлический привкус оседает на языке, но ей некогда любоваться своим творением.

Люстра. Она, конечно, и так красива, но недостаточно шикарна для хозяина, Джинни знает. Поэтому она и забрала часть его для украшения. Восемь метров добротных, поблескивающих красным кишок.

Скрип и хруст откуда-то снизу – кажется, входную дверь начинают ломать. Ладно, она успеет: стремянка покачивается, но это не страшно. Главное украсить, до вечеринки, чтобы поблескивало и свисало...

Ревность – слово, из-за которого с трудом замечаешь, как гаснут фонари, ведь рассвет уже наступил, а ветер по-прежнему гоняет знак на тросе.

– А лампа – это палата? – в ответ медсестра кивает. – Ладно, разберемся, – хмурится Стивенс, перелистнув очередную страницу. – Она думает, что смотрит в окно, я правильно понимаю? – доктор Стивенс поправляет очки на переносице и снова просматривает записи. – Сама нарисовала, краски-то разрешены, – медсестра теребит носовой платок, пока отвечает. Всегда нервничает в этом отделении. – Ну да, ну да... – задумчиво тянет док и снова смотрит на пациентку. – Что, говорите, нужно сделать, чтобы она ответила? – Потереть л-лампу.

Приложения, подшитые к делу, милостиво сделаны в черно-белом варианте.

2019

Три поросенка

«Старый, страшный волк», – смеялись они. «Глупый волк», – напевали они. Я прошел сквозь укрепленные стены, сломал замки, которыми они пытались защититься и нашел каждого.

Вот сидит последний. Рот забит кляпом, но он пытается кричать. Глазки-бусинки беспокойно оглядывают помещение. Он боится, знает, что сейчас произойдет.

Свет, камера, мотор. Включаю аудио-заготовку. Хриплый голос эхом разносится по пустому амбару:

Три поросенка хотели гулять.

Три поросенка не хотели в кровать.

Ночью примерно в третьем часу,

Заблудились глупышки в лесу.

Он замирает, как только слышит стишок. Бледнеет, будто вовсе не дышит. Сжимаю увесистый молоток, кожаная перчатка аж скрипит. За голосом из колонок не слышно. Так же как и мое дыхание, сбившееся в предвкушении.

Блуждали, блудили

Много крепкого пили.

Шатаясь, в походах от бара к бару

Поросята, спьяну, учинили пожары.

Стандартная реакция: после упоминания поджога, он трепыхается все сильнее. Ремни уже натерли запястья, ткань размокла от сочащейся крови, но поросенок это игнорирует. Пытается позвать на помощь. Вот глупый.

Пока все горело они убежали,
Затихарились и очень дрожали.
Надеялись, что никто не увидел.
Пьяные поросята не знали про видео.

Включаю проектор. Картинка не очень качественная, то и дело по простыне пробегают шумы, но даже этого достаточно. Снова и снова черненькие глазки стекленеют от паники, когда он понимает кто на видео. Когда видит себя и дружков, упрямо поджигающих покрышки автомобилей вдоль улицы. Звука нет, не слышно как они смеются, но рты раскрыты широко. Достаю отвертку.

Не знали про волка, про горе его.
Не знали, что кара догонит и все.
Что серый и страшный идет по пятам.
Время придет заплатить по счетам.

Он плачет, когда видит как взрывается первая из подожженных машин. Срывается на всхлип, ведь машина дочери уже показалась в кадре. Косится по сторонам и умоляет о прощении, хотя знает, это невозможно. Потому что моя испуганная девочка уже потеряла управление и врезается в

столб.

Я резко вбиваю отвертку в окровавленное запястье, помогаю молотком, чтобы засела попрочнее. Мне нравится смотреть в обезумевшие от страха глаза-пуговицы. Мне нравится замечать, как от боли его тело сводит судорогой и трясет. И как он сходит с ума, когда я достаю тяжелый полиэтиленовый пакет. Даже на то, чтобы протащить его по полу уходит много сил. Не останавливаюсь, знаю, что нужно для большего эффекта. Поднимаю пакет и кровавый суп глухо булькает. Если приглядеться, в этом месиве можно увидеть идеально круглое глазное яблоко – одно.

Волк выследит, выловит, будет пытаться.

В поле открытом бесполезно кричать.

Серый и страшный не верит слезам.

Тушки всех трех соберут по частям.

Когда органическая масса разложена по дюжине мешков и ждет своего звездного часа, я убираю аппаратуру. Протираю и раскладываю инструменты по ящичкам. Оставляю камеру с картой памяти, забитой криками и болью. Она театрально стоит по центру. Журналистам должно понравиться.

Звоню сначала в редакцию, потом в полицию. Сообщаю адрес и координаты. А сам, тем временем, плету узел понадежнее. Когда копы приедут все уже закончится. Веревка должна выдержать.

2018

Если все пойдет по плану

Едем-едем-едем-едем. Матери астронавтов. Жены астронавтов. Дочери астронавтов. Матери сыновей, исполнивших свою мечту. Жены, реализовавших себя мужчин. Дочери... Дочери еще не понимающие, что в этом и будет их жизнь, ведь папа – образец и свадьбу сыграть хочется именно с таким, как он.

– А папа когда вернется? – девчачий высокий голос отвлекает от стука колес и я тру глаза.

– Если все пойдет по плану, завтра, – улыбается дочке, а сама нервно теребит ручки лакированной сумочки.

«Если все пойдет по плану» – фраза, заменившая «аминь» и «отче наш», мантры и ритуальные песнопения. Ее мы шепчем, как молитву перед завтраком или когда отходим ко сну. Когда сообщают о неполадках на МКС или просто, когда душа не на месте.

Если все пойдет по плану, ее отец вернется. Для начала просто на поверхность планеты. Не домой, домой только после карантина и обследований.

Если все пойдет по плану, он обрадуется тому, как выросла дочь. Станет убеждать жену, что та только похорошела и обязательно уточнит: «Подстриглась?».

Если все пойдет по плану, она посадит всех ужинать и только потом, когда дом заснет, поплачет в ванной, скрывая

всхлипы за шумом душевой лейки. А потом облегченно выдохнет и, забравшись под одеяло, свернется калачиком под боком у любимого.

И она будет готовить все его самые любимые блюда, не прекращая чувствовать страх упустить какой-то момент пока муж здесь:

«Рагу, по-маминому рецепту на ужин сделаю. С подливкой», «Шоколадные блинчики? Конечно», «Побаловать, говоришь? Я могу и сама не хуже, чем в ресторане приготовить».

А он ее – баловать, да. Пока рядом и может сделать хоть что-то именно для жены:

«Я просто хочу, чтоб у тебя было это платье», «Давай, пойдем в ресторан, развеемся», «Лежи, сегодня моя очередь варить кофе».

Мы все слышали хотя бы раз: из космоса они возвращаются другими людьми. Кто-то согласно кивает, а кто-то не понимает – к чему эта фраза. Зачастую те, кто уже выходил замуж за бывалого. Потому что, на самом деле, их меняет только первый полет. Первый раз, когда они видят маленький шар планеты и черную глубину вокруг нее. То, что мы можем видеть только на фото. И чувствуют то, что мы можем только нафантазировать. Трепет? Страх? Понимание?

Знаю только, что они все хотят обратно. Что пройдут месяцы и он будет все таким же нежным и заботливым. Будет делать уроки с дочкой и послушно уплетать все, что готовит

жена. (Она в курсе диеты, можно не беспокоиться). И он будет любить ее по ночам, в темной спальне, надеясь, что в этот раз будет мальчик.

Пройдут месяцы и он все чаще будет приезжать в управление: «Да, я уже в порядке, хоть завтра в строй!», «Когда говоришь следующая командировка?», «Да, позвони мне, когда будет понятно». И дергаться от каждого звонка, с надеждой поднимать телефонную трубку, чтобы потом понуро передать ее жене.

Мы все слышали хотя бы раз: они думают только о том, как вернуться в Космос. А мы только о том, как вернуть их домой. Кто-то согласно кивает в ответ на такое.

Я все больше думаю о том, что, как бы мы не старались, домой их возвращает только необходимость обновить припасы и слабость собственного тела.

Нанюхавшись звездной пыли, они становятся равнодушны к сдобе или запеченному мясу. Увидев планету жемчужиной, не восхитятся перламутровой красотой на цепочке. А от ночи с любимой никогда не получают таких же ощущений, что и от выхода в открытый космос.

И многие не хотят этого принимать. Ведь, если все пойдет по плану, муж все равно вернется домой.

Все вернется на те же рельсы, по которым мы изо дня в день едем-едем-едем-едем. Матери астронавтов. Жены астронавтов. Дочери астронавтов. Матери сыновей, исполнивших свою мечту. Жены, реализовавших себя мужчин. До-

чери... Дочери еще не понимающие, что в этом и будет их жизнь, ведь папа – образец и свадьбу сыграть хочется именно с таким, как он.

2019

Алиса

Приключение не задалось с самого начала.

Алиса проснулась в психушке, а как говорят в народе: не к добру это. Оглянулась, прислушалась – темнота да тишина. «Просыпаться посреди ночи – это к путешествиям», – решила Али и осторожно, так чтобы никого не разбудить, слезла с кровати. Пружины матраса скрипнули еле слышно.

Кто-то поворочался, кто-то храпнул, кто-то присвистнул. Голыми пятками по холодному полу – неприятно, но девчушка все равно пошла к двери. В коридоре светила лампа и звучали строгие голоса. Врачи, наверное – решила Алиса и легонько дернула за ручку.

Женщина в белом халате отчитывала высокого, нескладного мужчину в серой робе. Ее ярко-красные волосы, собранные в тугий пучок, непослушно выбивались из прически упругими спиральками-пряжами. Их то и дело приходилось заправлять за ухо. От этого она все сильнее злилась.

– Я тебя спрашиваю, Валентайн! Это не абы кто! Моя выжившая из ума сестрица!

– Только что была здесь! Не будешь меня отвлекать, Харт, найду ее быстрее, – отмахнулся Валентайн и устремился в противоположный конец коридора.

– Ну-ну. Лучше бы тебе поторопиться, – докторша очень тихо повизгивала вслед санитару. Ее каблуки-шпильки сту-

чали по бетонному полу, а голос становился все недовольнее.

Алиса давно заметила: счастливые люди не ходят на каблуках. Или наоборот: каблуки делают людей несчастными. Поняла давно, но до конца так и не разобралась. Никто не дал инструкцию. Зато, как только рядом появлялся кто-то на каблуках, она сразу же убегала и еще ни разу не угодила в неприятности. Только в приключения.

Али шла по коридору как можно тише. Все пыталась вспомнить, что может помочь найти выход. В голову лезли рассказы про мох на севере и солнце за правым плечом. Солнца не наблюдалось по понятным причинам и мох на стенах упрямо отказывался находиться.

Плутать по коридорам оказалось легко. Все одинаковые, некоторые настолько темные, что не было видно, кроликов-указателей, обычно белеющих под потолком.

Где-то сзади снова раздался голос строгой докторши и Али шмыгнула в самый мрачный закуток, неожиданно оканчивающийся железными воротами. Из за них доносилась тяжелая музыка. Только чтобы не попасть под проклятье каблуков она с усилием приоткрыла одну из створок и оказалась в помещении заполненном светом.

Ритм музыки становился все громче, периодически заглушая мелодию. Лезвие ножа стучало и стучало по разделочному столу. Ошметки мяса и сухожилий летели в разные стороны.

Не так страшно встретить бабу с пустым ведром, как му-

жика с окровавленным ножом, подумала Алиса и проскользнула мимо мясника как можно тише. В конце концов где-то на кухне точно должен быть выход.

На четвереньках проползла под столами, чуть не попала под ноги мяснику, пока он убирал в холодильник разрезанные кури тушки.

Точно! Вот что ее напрягло. Она дождалась пока мясник пошел мыть руки и заглянула в металлическую, почти зеркальную дверцу. От туда не нее смотрело старое сморщенное лицо. Она дотронулась до волос, таких же белых как в отражении.

– А ты что здесь делаешь? – низкий голос отвлек ее. – Это же тебя потерял главврач!

Алиса судорожно покачала головой и попыталась отползти, как можно скорее добраться до выхода.

– Мисс Харт, здесь она! Мисс Харт, я нашел! – мясник схватил Алису в охапку. Она отбивалась, но ослабленные временем руки уже не были сильны настолько, чтобы причинить ощутимый вред медведеподобному мужику. Попыталась пнуть, но сил по-прежнему не хватало. И вот она замахнулась снова, что-то внутри хрустнуло и Алиса словно сдулась, поникла.

– Где эта безумная? – вбежала главврач. По обескураженного взгляду Джереми, по тому как бесчувственно свисала голова сестры, она моментально все поняла.

– Неси... – голос дрогнул, но Харт быстро собралась с

мыслями. – В комнату ее. Я знаю что сделать, – развернулась и пошла, даже не проверив идет ли мясник следом.

На следующий день во всех местных газетах вышел некролог:

16 ноября 1984 года на 83-ем году жизни скончалась во сне и без мучений любимая сестра и вдохновительница Камилла Харт. Она прожила честную жизнь уважаемого гражданина своей страны. Родные и близкие будут помнить ее как женщину с безграничной фантазией и волей, женщину готовую сделать мир лучше. Покойся с миром.

2018

Тринадцать

Колесо Года должно сделать очередной оборот, когда они собираются вместе в Зале Совета. Месяцы садятся за круглый стол, в центре потрескивает огонь. Этот костер – знак жизни и истины, но на сегодня все уже решено. Они переглядываются (одного не хватает).

– Где его носит? – хмурится Жнец, выкладывая серп на стол. Время сбора урожая приближается невероятно быстро, у него все в идеальной готовности.

– Опять опаздывает, – Листопад лениво зевает и отмахивается, когда Травень замечает в его волосах несколько желтых листьев с прошлого года.

– Почему все должны его ждать? – поддакивает Косарь. Его месяц как раз заканчивается, и если Жнец торопится начать, то он – закончить.

– Когда работать не надо, чем еще заняться? А у меня жатва скоро, нет времени засиживаться.

– Вопрос важный, – терпеливо напоминает Сеятель.

– Если бы я тебя сдернул перед посевом, ты бы мне голову оторвал голыми руками.

– Лютый, угомони его, – лениво тянет Мясник, выкладывая небольшой топорик рядом с серпом Жнеца.

– Оба угомонитесь, – величественно тянет статный месяц в длинной шубе. Его дыхание замораживает воздух, и юный

Травень старается держаться подальше от смертельного холода. – Одмор скоро прибудет, и начнем.

– Это ты так говоришь потому, что сейчас не зима и тебе не надо морозить народ, – не прекращает жаловаться Косарь.

– Хватит, говорю. Без него все равно не начнем, – хмурится глава стола, и остальные месяцы поддаются его решению.

– Как продвигается подготовка? – Сеятель заводит эту беседу зная, что товарищ не сможет не говорить и это сдержит нетерпение.

– Да смотря где. На востоке дожди могут затопить урожай, на юге солнце палит, еще немного – и пожары. То-то Лютый и Сечень зимой развлекутся, если все зерно погибнет.

– От холода они мрут не потому, что я злой, а потому, что сами не подготовились, – жмет плечами Лютый.

Разговор прерывают бубенцы и свирели, мелодия такая, что невозможно усидеть на месте. Легкая, веселая, от нее в зале становится светлее.

– Одмор? Кажется, он, – прислушивается Жнец и поглядывает на Сеятеля. Тот кивает. Все замолкают, даже Лютый постукивает посохом в ритм.

Он появляется в дверях, сияя восточной помпезностью, блестящая парча в свете огня создает волшебное сияние вокруг всей фигуры. Одмор расслабленно улыбается товарищам и садится на последнее свободное место.

– Ты заставил нас ждать, Одмор, – басит Лютый.

– Проспал, – опоздавший пожимает плечами, с них сы-

пятся лепестки и блестящие конфетти. – Дневные празднества, ночные гулянья. Весь месяц не спал, а следующий отсыпался.

– Ты – этот месяц! – тычет в него пальцем Жнец.

– Не цепляйся к словам, – отмахивается Одмор, – понял же, о чем я.

– Говори уже, зачем нас собрал, Лютый, и пойду. Мне есть чем заняться, – бурчит Косарь.

Лютый осматривает товарищей, пауза начинает затягиваться, и Пастух нетерпеливо елозит в кресле.

– Тринадцать становится несчастливым числом, – слова легким эхом отражаются от стен.

– И что? – подает голос Сечень.

– Люди начинают думать о плохом, – главный пристально смотрит на товарища, – искать злые знаки. Високосный год для них полон катастроф еще до наступления. Если оставим все как есть, ослабнем.

– Я не верю в это, – легкомысленно смеется Одмор, – это невозможно.

– Потому что тебя все любят? Еще бы, целый месяц праздников. Кути, не спи, обжирайся.

– Ну а что ты предложишь? Убрать Високосный месяц? Чтобы нас двенадцать было? Отправишь кого-то на смерть или возьмешь самоотвод?

– Я самоотвод не возьму. У меня важная задача, урожай абы кто не соберет.

– Мне тоже нельзя, если я не посею, ему собирать нечего будет.

– Я запасаю дрова, – подает голос Сечень.

– У меня скот, – качает головой Пастух.

– И у меня.

– Ага, – грубо поддакивает Мясник.

Одмор осматривает всех сидящих, кто-то изучает столешницу перед собой, кто-то вдруг начинает рассматривать узоры на стенах или ковырять подлокотник кресла. Месяц догадывается, к чему все идет, ведь стоит ему отвернуться, как они глаз не могут отвести от перстней на его пальцах.

– Давайте Лютого уберем, без него вам и запастись не придется! Будем все вместе развлекаться, а не животы рвать работой.

– Интересные вещи говоришь, Праздник, – хмыкает Лютый, в сторону Одмора по столу ползет морозный узор, в комнате становится холодно, даже осенние месяцы начинают кутаться в одежду. – Разве ж я сдамся так просто?

– Применять силу в Зале Совета! – возмущается Пастух, его легкая одежда не спасает от пробирающего до костей мороза.

– Не испугаешь, – качает головой Одмор. – Даже не смотри так на меня, я же...

– А что ты сделаешь? – Лютый перебивает, смотрит с издевкой. – Блестками меня закидаешь? – Ведет посохом, отзывает холод.

– Так мы ничего не решим, – осторожно намекает Тра-
вень.

– Будто я не знаю, что вы уже решили, – Праздник подни-
мается резко, порывисто. Четыре шага вправо, пять влево.
Ходит из стороны в сторону, и только звонкий стук подошв
о пол нарушает молчание.

– Нашли наконец причину, да?

– Ты заговоры видишь везде, особенно там, где их нет, –
хмурится Сечень, а сам украдкой посматривает то на Люто-
го, то на Жнеца.

– Я их вижу потому, что вы так себе заговорщики, – фыр-
кает Праздник и продолжает ходить туда-сюда. – Только на-
помню вам, что никто не знает, кто из нас Високосный.

– Да тут ежу понятно, что ты. От остальных польза хоть
какая-то есть.

– Кроме этой компании, которая всех в страхе держит, –
кивает на зимние месяцы Одмор.

– Мы часть цикла.

– Каждый из нас часть цикла!

– Что изменится, если тебя не станет? – поднимает брови
Жнец.

Неожиданный союз летнего с зимними, раз уж они дого-
ворились – такое будет сложно переспорить, решает Празд-
ник. Ком подступает к горлу, но он выдыхает:

– Да люди просто не смогут столько работать без празд-
ников. Вы думаете, я бесполезен, что только и отвлекаю от

действительно важных вещей...

– Твое правление получается веселым только потому, что весь год кто-то другой запасается дровами и сеном, сеет и жнет. Зимние месяцы дают время на пряжу, шитье, другое рукоделие. А скот! Его надо вырастить, пасти и заколоть, чтобы ты пришел и устроил гулянья?

– И вы, вероломные, говорите: это не заговор? Вы поделите мое наследство, пока я еще буду биться в конвульсиях с перерезанным горлом, – Одмор захлебывается мрачным пророчеством.

Загнанный в угол, он уже не выглядит расслабленным и величественным. И как позволил этому случиться?

– Почему ты не признаешь, что это необходимая жертва? – строго спрашивает Лютый.

– Потому, что твоя жертва – я! – Одмор разводит руками, ждет, что в любой момент они сорвутся и нападут. – И никто из вас даже не расстроится, глупые завистники. Бедняжки, они круглый год работают, чтобы развлекались другие. Будто праздники – это просто! Это очень даж...

Сечень подбирается сзади и первый замахивается, бьет ножом со всей силой, что есть в крупном мужчине, привыкшему рубить. Нож прорезает слои одежды, плоть Праздника и застревает в ребре. Тот даже не пытается вытащить лезвие. Больно, он не привык к боли.

Мясник протягивает товарищу еще один нож, а сам замахивается топориком. Едва не задевает Пастуха, но мальчиш-

ка вовремя убегает из-под горячей руки и забивается в угол. В следующую секунду Зал заполняется стужей и метелью. Лютый сковывает холодом изломанное тело Праздника.

Жнец, единственный из теплых месяцев, подходит ближе. Смотрит на товарища, уже обезображенного ранами. Дышит судорожно, глаза болезненно блестят, но руки не дрожат. Он длинным движением серпа перерезает Одмору горло. Тело бьет судорогой, с одежды сыплются блески, которые тут же тонут в густой, темной крови. Одмор падает в нее и больше не встает.

– Назову ее Пасхой! А то название какое-то дурацкое. Язык в узел завяжется, пока выговоришь.

– Я заберу Лугнасад. Он, вроде бы, мало кого интересуется.

– Самайн – мой! Мой, слышите! – перекрикивает всех Листопад.

Из глаз Одмора стекают золотистые слезинки, когда он слышит, что невольное пророчество сбылось: праздники, частички его самого, расхватывают жадные месяцы. Даже те, кто не хотел в этом участвовать, получают свою долю.

Лютый садится рядом, не обращает внимание, а подол шубы попадает в кровавую лужу.

– Ты зла не держи, Праздник. Так все станут сильнее, – его голос звучит на грани слышимости. – Йоль останется Йолем. Знаю, как ты его любишь. Я присмотрю за ним.

Но Одмор уже не слышит, его уже нет.

Вот как их стало двенадцать.

2018

Битва

Рожденный в кострах Литы сидит на троне в замке Каер Арианрод и ждет. Красно-зеленым венцом украшена его седовласая голова, драгоценными перстнями усеяны бледные пальцы. В тронном зале горят факелы, тени танцуют на вечных стенах родового гнезда. Малиновке, сидящей на его плече, нравится их незамысловатый танец. Она довольно чирикает песню умирающего солнца своему божественному хозяину.

Король Остролист силен. Его мощная тень укрывает земли морозом и снегопадами, заставляет людей сильнее топить печи и прятаться по домам. Смертные жмутся друг к другу, боятся показываться на улице в самую темную ночь года и рассказывают старые сказки о древних королях. Божественную битву которых никто не должен видеть. Божественная битва которых произойдет очень скоро.

Рожденный в кострах Йоля идет сквозь стужу и выюгу к замку Каер Арианрод. В каждом шаге – сила, в каждом движении руки – молодость. Он легко отмахивается от попыток холода забраться под одежду. Не замечает глупые потуги зимы заковать и задержать его. Не сворачивая с пути, он следует за звонкой песней крапивника. Маленькая, невзрачная птичка не боится мороза, садится на плечо своего божественного хозяина, заливисто поет гимн возрождающегося

солнца.

Король Дубовых листьев сосредоточен, взгляд суров. Его могучая поступь роняет снег с веток елей, обнажая, показывает их зелень во всей красе. Очень скоро лес будет зеленым и цветущим. Очень скоро наступит его время править.

Рожденный в кострах Литы не боится, когда под мощью кулака брата содрогаются ворота замка. Он без страха впускает Короля Дуба в родные стены Каер Арианрод.

– Дуб.

– Остролист, – кивают друг другу равные. Им не нужны титулы, между ними давно все решено.

Рожденный в кострах Йоля не боится Остролиста. Наблюдает за его непроницаемым лицом и усмехается. В прошлый раз, в разгар лета – он сидел на троне и равнодушно наблюдал за пришедшим. На его голове был венец из дубовых листьев и желудей. Похожий, только с красными ягодами, сейчас на седой голове брата.

– Я ждал тебя.

– Так может начнем?

Их голоса похожи, словно говорит один человек. Из раза в раз, из века в век только это злит Короля Остролиста. Только это заставляет сжать кулаки и подняться с трона.

Стены Каер Арианрод исчезают, как только братья встают напротив. Снежинки застывают в воздухе, ветер не трогает ветки деревьев, природа замирает в ожидании главного ритуала великого праздника. Ночь погружается в тишину.

Крапивник запекает гимн рождения солнца, не взлетая с плеча хозяина. Нахохлившись, он увеличивается в размерах, и чем громче звучит его песня, тем больше становится тотемная птица Дуба. Малиновка стремительно срывается в битву. Пламя мелькает в ее перьях, когда она пытается ранить тотем противника. Все напрасно, мелодии света не пропускают ее атак.

Вот когда Король Остролист вступает в борьбу, дарит своей птице больше магии. Темнота за спиной хозяина поглощает тронный зал метр за метром. А в центре этой темноты огненно-красная грудка малиновки призывает: «Сдавайся, ну же. Я свет во тьме, что тебе еще надо?»

Крапивник не запинается, чисто выводит свои ноты, но Король Дуб чувствует – ему нужна поддержка. Дуб достает тяжелый меч из ножен, от металла во все стороны распространяется солнечный свет и он без труда рассекает тьму, заполнившую зал. Обессиленная малиновка прячется за пазухой своего божественного хозяина. Ее усилий недостаточно: сейчас свет пробуждающегося солнца сильнее лучей умирающего.

Усмехается рожденный в кострах Литы. Знает, вернется сюда через шесть месяцев и победа будет за ним. Никакое это не поражение. Остролист кивает брату и, придерживая дрожащую птаху, уступает ему трон с легким поклоном. Когда тот садится и на его голове появляется венец из дубовых листьев, ритуал считается оконченным.

Стены вечной обители Богини-матери возвращаются на свои места, и тогда братья, наконец-то, могут обняться. Уставшие кости Остролиста скрипят под сильными руками новорожденного Дуба. Его смех бархатисто переливается в груди:

– Брат, – выдыхает Дуб, успокаиваясь. Теперь, когда ритуал закончен он может позволить себе и нежную улыбку и беспокойство во взгляде. – Выглядишь хуже в этот раз. Успеешь оклематься?

– На Литу встретимся и посмотрим кто кого, – вторит ему Остролист. Бравирует, оба знают, через шесть месяцев наступит его очередь побеждать.

– Ну, раз обещаешь, – по одному движению руки нового хозяина Каер Арианрод рядом с тронем появляется накрытый праздничный стол. В его центре, словно награда, помещена бездонная чаша с ароматным, горячим вином. А в вине, словно в зелье, намешаны гвоздика, бадьян, корица, мед.

– Не велика ли? – хитро поглядывает Остролист на брата-хвастуна.

– Времени не так много, – серьезно кивает Дуб и приглашает к столу.

Остролисту не видно, но его венец начинает потихоньку увядать, в зеленых, колючих листьях уже появляются коричневые крапинки.

Они садятся друг напротив друга. Не как победитель и побежденный, а как равные. Делят еду и напитки на двоих.

Это все, что им остается делить.

– Как твой рыцарь? У него скоро битва? – припоминает Король Дуб летний разговор о противостоянии двух магов, в которое влез брат.

– Хм, рыцарь? – Остролист облизывает масло с пальцев, стараясь не замечать, что перстни начинают терять свой блеск. – А, мальчик со шрамом.

– И Змееуст, – кивает Дуб. – Кто победит?

– Ты еще спрашиваешь, – фыркает.

– И все же. Змееуст силен.

– Но его палочка из тиса, – легкомысленно жмет плечами Остролист, – глупые маги думают, что на исход влияет сердцецина.

– Волшебная палочка из остролиста? Ты дал ему копьё на удачу, – восхищенно выдыхает Король Дуб.

– Не на удачу! С твоим рыцарем это сработало.

– Мерлин, – припоминает Дуб с грустной улыбкой, – как же давно это было.

– Уж до прихода Назаретянина, это точно, – усмехается Остролист, – но не будем о нем.

– Не будем, – соглашается Дуб и вновь обращает внимание на уже истлевшие листья и ягоды братского венца.

– Мне пора, – Остролист кивает и корона из листьев рассыпается, падает на плечи пеплом. Он отряхивается, скидывает в пустую тарелку потускневшие перстни. Они ему больше не нужны.

– Я бы хотел...

– Знаю.

Время. Его всегда недостаточно.

Рожденный в кострах Литы перебивает нового хозяина Каер Арианрод и больше не говорит ни слова. Он выходит из замка, все еще трепетно придерживая Малиновку. Обессиленная, пташка не может удержаться на плече, не может спеть ему песнь умирающего солнца, вот он и несет ее за пазухой. На улице по прежнему стужа и выюга. Только Король Остролист чувствует в воздухе зарождающийся запах весны, подснежников и зеленой травы. Его время прошло. Его время еще наступит, а пока можно отдохнуть.

Рожденный в кострах Йоля остается один в тронном зале Каер Арианрод. Зеленым венцом с желудями украшена его голова, драгоценными перстнями усеяны пальцы. В тронном зале горят факелы, пламя танцует тенями на вечных стенах родового гнезда. Маленькая, невзрачная птичка на его плече, залиvisto поет гимн возрождающегося солнца. Его время наступило. Король Дуб чувствует приближающийся запах весны, подснежников и зеленой травы. Столько всего еще нужно успеть до Литы, пока его время не закончилось.

2019

Прости

Гретель оставляет одну за другой крошки. Высушенный хлебный мякиш белеет на выжженной земле. Ветер стих, даже птицы не дают о себе знать. Лес будто немой.

– Тропинка из крошек? – фыркает.

Гретель рисует дорогу! Нет, шоссе в прошлое! Там она никто. Глупая девочка без будущего.

Бесконечное ничто.

Позволила брату пожертвовать собой, остаться в клетке, только чтобы она спаслась. Гретель надеется, что еще не поздно. Надеется, что Гензель все еще там – забалтывает грозную, но глупую ведьму. Надеется, что брат не подан на званный обед вторым блюдом. Надеется и ждет, пока старуха уйдет из дома.

Ночью в лесу страшно, но пальцы больше трясет когда она пытается открыть замок пряничного домика. Она видела, как ведьма ушла. Она слышала, как та ругалась на Гензеля, что не в коня корм. Значит еще есть шанс.

Гретель ломает дверцу клетки и вытягивает из нее брата. Он удивленно смотрит на нее, начинает ругаться.

– Глупая девчонка! Ты зачем вернулась?

А ей и ответить нечего. Странное ощущение, что она выше его, что она взрослее его – не дает покоя.

– Тебя спасаю, – выдыхает Гретель и тянет Гензеля за ру-

ку, на выход.

Они бегут не жалея дыхания. Дождя ночью не было, птиц все еще будто нет. Хлебные крошки ведут их к дому, туда где все будет иначе. В светлое будущее без ожирения и сладостей, без ведьмы-людоедки и подкаблучника-отца.

Бегут и смеются, наконец-то свободные, наконец-то вместе.

Но просыпается Гретель одна.

Она тихонечко плачет в подушку, чтоб не услышал муж. Кормит детей завтраком, моет посуду, идет в душ. Надевает черное платье, даром, что на улице жара, и темные солнечные очки.

– Буду поздно, – говорит мужу и едет на край города.

Туда где нет деревьев, птиц и выжженной земли. Туда где на мраморной плите выбито: Гензель Шмидт.

И она опускается на колени и шепчет: «Прости».

2019

Икона

10 заповедей новой Терры

- Всё можно исправить, пока мы живы.
- Один в поле не двое.
- Почитай мать и отца своих.
- Храброго смерть настигает один раз.
- Без труда не вытащить и рыбку из пруда.
- Жертва – это твой выбор.
- Не изображай ничего из того, что находится на небе, на земле, в воде.
 - Не кради ничего, ведь отняв что-либо у ближнего, ты наносишь вред себе.
 - Настоящий лидер всегда поступает правильно, что бы о нем ни думали.
 - Мы все как карандаши. Кто-то ломается, кто-то тупит, а кто-то затачивается и движется вперед.
 - Олух! Пузырь! Остаток! Уловка!

С повторения заповедей начинается каждое утро в общине, но сегодня слова обретают особые напевы. После долгой радиационной зимы наконец наступает весна. Время великого праздника. День мертвых и ночь воскрешения, нет ничего важнее.

В этом году все сообщники выгребают остатки запасов

из своих складов и приносят еду к моему порогу. Традиции приписывают принимать дары величественно, но я улыбаюсь как дурочка. Ещё бы, такая честь.

Накрываю ужин, достаю из закромов священные вино и хлеб, оставшиеся с прошлогодней Пасхи. Все готово. На всякий случай одергиваю складки скатерти и заправляю под платок выбившуюся прядь. Идеально.

– Ворона, а ну успокойся, – дочь все бегает вокруг стола и смотрит на ужин голодными глазами, – угомонись, кому говорю! – хватаю девчонку за руку и резко останавливаю. Она тут же начинает хныкать.

– Я хочу ужин! Почему все только Кадилу? Я тоже хочу!

– Не зови его так больше! Сегодня ему подарят новое имя, – напоминаю своей непослушке. – Это большая честь для семьи.

– А ее можно съесть?

– Кого?

– Ну, эту честь?

– Потерпи. Рамадан кончается, поешь после праздника, – дочь снова открывает рот, чтобы возразить, но в кухню входит Он, одетый по всем правилам в хламиду гуру-вайшnavы. Мы такие цвета редко видим, вот Ворона и застывает, даже рот забывает закрыть. Мудрые люди до сих пор спорят, как назвать этот цвет.

– И я такую хочу.

– Потом, – отмахиваюсь и отодвигаю стул, приглашаю сы-

на к трапезе. Наверное, теперь мне его и сыном-то называть не стоит. Лама об этом умолчал, когда рассказывал правила. Сейчас-то уже и спрашивать поздно.

Он довольно оглядывает стол и хватает по суши в каждую руку. Крошки пресного теста вываливаются из рта, но он продолжает причмокивать, пока жует, еще бы – самая настоящая начинка из соевого мяса. Придерживаю Ворону за плечо, а то она уж слишком рвется помочь брату. Наш пост закончится чуть позже.

Праздничный ужин завершается, когда Солнце еще не достигло экватора зенита. Подношу сыну церемониальную чашку с вином. Он принюхивается и морщится, но все же принимает напиток и как можно быстрее его проглатывает, чтобы привкус не задержался на языке. Затем наступает очередь хлеба. Горжусь своим мальчиком, он отлично держится, не бледнеет, не зеленеет, жаль, этого не видят сообщники.

Он встает из-за стола как раз вовремя, в дверь стучат. Вопреки церемонии Ворона добирается до ручки первая.

– Папа! Ты принес мне что-нибудь вкусное? – бросается девочка на руки Мусаке. Ещё одна его жена стоит на пару шагов позади – закутанная в платок так, что только глаза видно. Завидует, конечно, ведь моего сына выбрали для Пасхи.

– Принес, но отдам только после церемонии. Ты же хорошая девочка и подождешь?

– Да, папочка, – дочь довольно улыбается и идет здороваться к Желе, но та даже руки не достает из-под слоев тря-

пок.

– Я принес десерт, священную ягоду, – он протягивает помидор, наверняка самый зрелый из тех, что есть на грядках. Для Избранного всегда дают самое лучшее. Кланяюсь мужу, пока сын, пачкая одеяние, жует помидор.

– Время пришло, нам пора, – торжественно объявляет Мусака и выводит Избранного в аллею, после них выхожу я с Вороной за руку. Желе плетется сзади. Сообщники расступаются перед Избранным, кланяются ему, осыпают конфетти, просят о благословении. Мой мальчик, кажется, был не готов к этому и пытается украдкой облизать с пальцев остатки томатного сока. В итоге он вытирает их о хламиду.

Будь это какой-то другой день – отругала бы.

Выходим на лобное место, к которому стягиваются кучки народа. Алтарь уже возвышается над толпой, напоминая о ничтожности каждого.

Лама стоит на пригорке в своих самых цветастых одеждах.

– Вы привели Будду? – над толпой разносится его громовой голос.

Я склоняю голову и кладу руку на голову дочери, чтобы та сделала так же. Нам время молчать, мужчины говорят.

– Он здесь, – старается Мусака, хочет, чтобы все его услышали.

– Вы привели Мухаммеда? – снова спрашивает Лама.

– Он здесь.

– Вы привели Прометея?

– Он здесь, – подхватывают остальные мужчины.

– Так пусть подойдет! – железный посох бьется о камень с такой силой, что появляются искры, но мой мальчик, мой Прометей, не дергается, не боится, как прошлогодний. Расправив плечи, он подходит к Ламе и улыбается мне. Ему на голову надевают венок из невянущих цветов.

Лама снова бьет посохом о камень, и это знак.

Барабаны начинают стучать, Мусака запекает, а остальные подхватывают гимн весне:

Снег идет стеной, а снег идет весь день, а за той стеной стоит апрель.

А он придет и приведет за собой весну, и рассеет серых туч войска.

А когда мы все посмотрим в глаза его, на нас из глаз его посмотрит тоска.

И откроются двери домов, да ты садись, а то в ногах правды нет.

И когда мы все посмотрим в глаза его, то увидим в тех глазах Солнца свет.

На теле ран не счесть, нелегки шаги, лишь в груди горит звезда.

И умрет апрель, и родится вновь, и придет уже навсегда.
(КИНО "Апрель")

Шестеренки Ламы снимают с Мухаммеда-Будды-Прометей хламиду, остается только повязка, прикрывающая срам.

Он ежится, но все так же улыбается людям, когда шестеренки берут его под локти и ведут к алтарю, осторожно укладывают.

Толпа подбирается ближе, каждый хочет увидеть главное событие Дня мертвых. Гвозди и кувалду достают из блестящего сундука, который остался с доисторических времен. Гимн заканчивается, в тишине раздаются четыре глухих «бом». Один удар – один гвоздь. Мой дорогой мальчик не всхлипывает, он отлично держится. Даже когда крест с ним ставят вертикально и вкапывают в землю, он не начинает плакать, в отличие от прошлогоднего. Стараюсь сдерживать слезы, все-таки люди смотрят. Ещё подумают, что я его жалею.

Сообщники оставляют Мухаммеда-Будду-Прометея одного, и мы расходимся по своим квартирам. Обычно это самые долгие, самые тяжелые часы ожидания. Лама говорит, их нужно провести в молитвах о родных и друзьях, но Ворона ноет, что голодна, что папа обещал ей десерт. Пытаюсь объяснить ребенку:

– Сначала нужно дождаться Ночи воскрешения. Помнишь?

– побыстрее бы, – вздыхает непослушка и засыпает на моих коленях.

Нас будит звон колокола. Его противное «дзинь-дзинь-дзинь» действует на нервы. Наверняка из-за голода. Радостная Ворона снова вперед меня бежит к двери, нетерпеливо

переступает с ноги на ногу, пока поправляю сбившийся во сне платок и тру заспанные глаза. Только потом выходим в аллею.

– Пятница! Пятница! – довольно кричит дочка (как миллион людей до и после нее), дергает за руку, чтобы поторопиться к вечерии.

– Сказал Он: «Тело мое есть хлеб, кровь моя есть вино» и разделил на равные части каждому из своих учеников».

Ворона протискивается в первые ряды и тащит меня за собой, никто не ворчит, не шикает недовольно. Все ждут того самого момента и слушают Ламу.

Кровь Мухаммеда-Будды-Прометея уже разлита по чашкам, раскрашенным в горошек. Тело Мухаммеда-Будды-Прометея разложено по тарелкам в цветочек.

Детям первым раздают священную еду. Следом за ним идем Мусака и я.

Лама крестит меня:

– *Carpe mori*.

Горло перехватывает, едва слышно отвечаю:

– *Memento diem*, – стараюсь не выронить посуду из дрожащих от волнения пальцев, ухожу.

Время весны. Время праздновать и танцевать. Наконец-то.

2018

Всевидящий слепец

Ты явился в сиянии славы и спас меня.

– Ты потерялась? – не красавец, но за недели блужданий по городу, я наслушалась всяких обращений, а ты вежливо помог подняться со ступенек очередной ночлежки, на комнату в которой денег не было.

– Не помню, – я растерялась. Сразу выдернула свою покрытую пылью и грязью ладонь из твоих аристократичных, ухоженных пальцев и потерла о подол не менее пыльного платья.

– Ничего не помнишь? – ты смотрел внимательно, чуть наклонив голову, а я чувствовала себя словно на эксперименте, где я – объект для изучения и только покачала головой, мол «ничего». – В моем замке найдется место для тебя, пойдем.

И я пошла. Сколько раз, уже после, мы смеялись, что ты мог оказаться убийцей или, того хуже, каким-нибудь садистом? Что мог запереть меня в лабиринте подвалов и пытаться, а никто бы и не хватился? Частенько, на самом деле.

Ты спас. Как и каждую из тех, кто в итоге составил твой прекрасный отряд. Умные, яркие, харизматичные. Ты словно бабочек в альбом отбирал нас, а потом, как ребенок, хватался своей коллекцией прекрасных валькирий. У каждой меч, блеск в глазах и слепая вера в лучшее будущее, а ради него можно и повоевать. Да, душа моя? Не поверю, что тебе

просто нравилось то, как мы выглядим в доспехах. Из-за такого войны не начинают.

– Мы захватим мир, – сказал ты и я, дурочка, увидела в этом веру в наши силы, а не твои амбиции. Тем более это был один из тех вечеров, когда мы много смеялись и расслабленно обсуждали всякое. Никакого намека на планирование или разговор о стратегии.

– Зачем тебе мир? Сплошные обязанности и так мало удовольствий, – Ри всегда была самой мудрой из нас, как бы Нэн не хотелось иного.

– Так я вас посажу управлять и мне останутся удовольствия. С ними я справлюсь, – ты довольно улыбнулся и снова тот самый внимательный взгляд, благо не на меня.

Глоток кислого вина смысл еще не сформировавшуюся идею. Теперь мне кажется, что уже тогда эта идея горчила полынью, но нет, не было тогда ничего подобного. Меня хватило только на нервный смешок и фразу: «до этого еще дожить надо».

И были сражения, я вела людей в бой и каждый из них кричал лишь твое имя. Так было правильно. Так ощущалось правильным.

Когда это случилось впервые? Я так и не смогла вспомнить. Ладно вспомнить, даже осознать. Когда подпустил ближе? Когда я, игнорируя осторожность, шагнула навстречу? Когда-то в перерывах между битвами это случилось, когда мы вернулись домой. Да, я очень быстро начала считать твой

замок своим домом, как и каждая из валькирий. Как и тебя кем-то, кто окружал заботой и защищал в любой момент дня и ночи. Вечера тогда стали другими. Мы все меньше собирались всем советом. Все больше я оказывалась рядом, когда ты был один. Душа моя, ты делал это специально? Или это я неосознанно ловила моменты? Разговоры тоже изменились. Ушли на второй план военные действия, стратегии и армии. На первый план вышли мы.

– Я не знал, что ты такая начитанная, – в каком-то веке мы оба не были в доспехах.

– Мы не говорили никогда об этом, – у камина в моем бархатном платье оказалось даже жарко, подрагивающими от волнения пальцами я расшнуровала ворот, выставляя под твой цепкий взгляд бледную шею.

– Красиво, – выдохнул.

Вот честно, душа моя, лучше б ты говорил про книги.

– Что? – я давала тебе возможность пойти на попятную, сделать вид, что ничего такого не говорил.

– Ты красивая.

Замерло ли мое сердце в тот момент? А у меня были хоть какие-то шансы остаться равнодушной?

– Это все освещение. Свет от огня такой обманчивый, – я не смотрела на тебя, не могла. Как будто так ты не заметил бы, как печет смущением скулы.

– Если я говорю, что красивая, значит так и есть. Мне сложно угодить, – голос звучал равнодушно и я не удер-

жалась, подняла взгляд. Ты улыбался, только уголками губ, но...

Каждая из валькирий столько раз совершала чудо на поле боя, небольшим отрядом брала очередной город, побеждала войска превосходящие количеством только, чтобы не слышать усталый вздох с этих губ, что уж говорить об улыбке.

– Если не уйду сейчас спать, то завтра пользы на сборах от меня не будет, – едва хватило сил отвести взгляд от тебя, а нужно было еще и до двери дойти.

– Иди, мне нужно еще поработать.

– Ты снова не спишь до утра?

– Мир сам себя не завоеует, – мы остановились на пороге кабинета, еще немного и я бы отвернувшись ушла, а ты бы просто закрыл дверь, но нет. Ты продолжил: – самых приятных снов, моя леди.

Это «моя леди» тогда так поразило. Как и то, что оно осталось. Конечно, только когда мы были наедине, но мне и не нужны были прилюдные свидетельства твоего исключительного отношения. Даже тогда, когда оно эволюционировало в «моя малышка» после очередной победы. Ты помог слезть с лошади и будто бы только тогда заметил нашу разницу в росте. Весь торжественный ужин я наслаждалась твоим вниманием. Каждое слово твоим голосом и мне больше не нужны были никакие почести. От нетерпения елозила на стуле, а дыхание то и дело перехватывало от нежности в твоём взгляде. Той ночью, душа моя, ты впервые пришел в мою спаль-

ню и теперь это кажется таким очевидным, что я все больше ругаю себя. Никогда, никогда ты не звал к себе. Никогда не позволял лишнего взгляда или обращения, если кто-то из валькирий был рядом.

Когда впервые дал повод моей интуиции усомниться в твоей честности? В банальности твоего замысла? Чем выдал себя? Молчи, душа моя. Этот момент я запомнила навсегда слишком четко.

Вы вернулись с Восточного фронта, ты и Нэн. Сначала я приняла ее счастливое лицо и постоянное напевание песенок за радость от возвращения домой, от завершения долгого похода. Да и какая мне была разница до Нэн, ты вернулся в мои объятия, душа моя. Задарил шелками невиданных до того цветов и украшениями тончайшей работы.

– Зачем все это? – я гладила шелк, вместо твоих волос и он не мог утолить моей жажды прикосновений.

– Потому что я благодарен. Спасибо, что присмотрела за царством, пока я был в походе.

– Ты был в походе не один, – я смотрела на золотой браслет, он повторял узор пчелиных сот и действительно был прекрасен, но эта красота не могла отвлечь меня от одной очень черной мысли.

– Нэн помогала, да, – ты обнял меня тогда и я не стала думать дальше ведь все, что было нужно – это твои руки на моих плечах, подушечки пальцев по шее и поцелуй. Желательно не один.

И ты все так же приходил к дверям моей спальни, а я все также впускала. А иногда ты засиживался в кабинете до крика петухов. И я, дурочка, жалела тебя на утро. Нежно целовала и все гнала днем поспать, заботилась.

Так когда же все встало на свои места в этой головоломке? Нэн что-то ляпнула и не раз. Что-то, что не рассказывал ты, но очень рассказы дополняющее. Деталька к детальке. Там про ужин, тут про книгу. Там про прогулку, тут про ночь полную любви.

Когда я поняла, клянусь, зрение пропало, была только ослепляющая белизна. Меня чуть не вывернуло, едва сдержалась. Побитой собакой добралась до своих покоев, а дальше смутно помню. Рвала платье, не замечая как ломаются ногти. Разбила редкой работы зеркало, игнорируя кровь текущую по пальцам. Головой об стену билась и рыдала-рыдала-рыдала.

– Идиотка! Какая же дура! – кожа рук уже была исцарапана, затылок саднило, голова раскалывалась от будто вечных слез.

Не было больше ничего хорошего, кроме воспоминаний. Я забилась от них в самый дальний угол комнаты, в платяной шкаф, но даже там они все еще были в моей голове. То, как шептал «моя родная» во сне. Как ладонь успокаивающе гладила мое бедро, пока все тело пронизывало судорогой от удовольствия. Как смеялся в потолок, а я не могла налюбоваться, ловила каждый звук.

В какой-то момент все-таки заснула. Мне снился ты и Нэн. Мы были в одной комнате но молчали, а когда я собралась что-то сказать – лопнул витраж в окне. Проснулась в слезах, конечно. Сколько дней длилась эта истерика? Не знаю, никого к себе не пускала. От слуг узнала, что ты уехал в очередной поход. С Нэн, конечно, а меня оставил управлять. Управлять министрами и крестьянами, решать суд и заключать торговые договоры тогда, как сама я не могла думать ни о чем, кроме тебя, душа моя. И эти мысли мучили меня неделями. Знала единственный способ отвлечься от них, работы было много. Чтобы обеспечить успех похода там, нужен порядок здесь.

Бумаги, приказы, печати. От букв болели глаза, но я не уходила спать, знала во снах ты будешь меня мучить своей нежностью. Тогда как в реальности мучил короткими записками.

Я не знаю, что сделала бы с собой, если б в замок не приехала ведьма. Ее рыжие волосы горели огнем, а глубокий голос успокаивал.

– Я погадаю тебе, дитя.

– Но я не...

– Не веришь? Дай картам рассказать, а потом уже делай, что хочешь с этим знанием.

И она разложила свои красиво расписанные картонки, и начала говорить. О захватчике мыслей и душ. О тиране, который не любит никого кроме себя. И то, что люди вокруг

ему нужны только для отражения себя. Как в зеркалах он наблюдает в их глазах образ великого человека, образ великолепного лидера.

– Образ себя, конечно, – ведьма выдохнула ароматный дым и отложила трубку из красного дерева. – А ничего кроме образа у него и нет, дитя. Поэтому, когда ты перестанешь смотреть на него так, он исчезнет.

– Я... – голос дрогнул, слезы текли по щекам с первой вспышки узнавания.

– Еще скажи, что не понимаешь о чем я, стукну, – она пригрозила мне пальцем и тут же ткнула в очередную карту. – Ты сможешь отомстить.

– Не смогу, нет. Он. Он это он, а меня считай, что нет, – кажется я впервые тогда озвучила эту свою мысль.

– Есть, вот она ты! Не выдумывай. Ты сможешь отомстить, ты придумаешь. Никто не смеет обидеть ведьму и не получить по заслугам. А он обидел слишком много ведьм.

«Никто не смеет обидеть ведьму», – слышишь, душа моя? Каждая ведьмина слеза это проклятье, а на тебе их столько, что никакие обереги не спасли бы. Я собрала все свои слезы по тебе в высокий, серебряный кувшин. Я повторила каждое слово, которому ведьма меня научила. Настало время заплатить. Карты сказали, что я смогу отомстить.

Я взяла кувшин и всю свою разрушенную веру в светлое будущее. Каждое отражения тебя в себе, в своих мыслях. Тебе всегда нравились отражения? Тебе нравилось то, как ты

выглядишь в наших глазах? Из всех валькирий только Нэн так и не узнала о твоей порочности. Из всех валькирий только ее слез не оказалось в кувшинах, но для одного, последнего проклятья все и не нужны.

– Что, – твой голос едва слышно, – что ты сделала?

– А как ты думаешь, душа моя? – улыбаюсь, поправляя корону на голове. Да, теперь я это я, вижу в отражении как от радости блестят глаза.

– Я не понимаю, – шепчешь так сбито, мне почти жалко тебя. Почти.

Стук в дверь и я жестом приказываю тебе молчать.

– Войди.

– Ваше Величество, прибыла делегация Тиволи для заключения мира, – паж кланяется, его звонкий голос будто заполняет всю комнату.

– Доложи, что буду через пару минут, – киваю мальчику и жду пока он закроет дверь. – А теперь, душа моя, скажи я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Видеть, как ты превратился в вдохновенного истукана, воспевающего мою красоту, стоило всех мучений.

2020

Секрет Герострата

Руки трясутся, сердце вот-вот остановится, а в голове все равно только «сожги-сожги-сожги». Уже факел в руке, уже пробрался внутрь храма осталось всего ничего. Но чем ближе к Моменту, тем страшнее.

«Сожги», – упорствует вода.

Я не могу слышать воду. Это же безумный бред, до ближайшей реки больше двадцати стадий. Богиня, за что ты меня наказываешь?

«Сожги», – настаивает огонь.

Жадный, куда тебе такая махина? Но ты же не ответишь на вопрос. Просто будешь повторять одно и то же, пока не попируешь.

«Сожги», – упрямится ветер.

Закадычный друг пламени, ты ни за что не начал бы отговаривать. Я даже не удивлен.

«Сожги», – требует земля.

Смилуйся, Агротера, почему же так жестока?

Она явилась во сне. Прекрасная как... кхм, богиня. Это и была она. Артемида. Не такая как я привык. Не равнодушная статуя из золота или камня. Без каких-то атрибутов, показывающих ее покровительство над чем-то. Древним это не

нужно.

– Ты знаешь кто я, – ее голос звучал в моей голове. Голос нежной матери и бесстрастной судьбы.

– Богиня, – даже во сне я упал на колени, но не мог оторвать взгляда. – Прощения прошу, но я не...

– Ты поймешь зачем я здесь, – с горечью кивнула она и мне вмиг стало страшно.

Боги не приходят просто так к смертным. У этого визита будет цена, конечно. И она знала, что я сделаю все, что прикажут.

– Прометей напророчил, – она медлила. – Вскоре в край под Вергинской звездой придет последний из смертных сыновей Зевса. И он сможет освободить эти земли от противного владычества персов...

– О, Светоносная, какое благо! – вскрикнул я, подавив в себе желание вскочить на ноги.

– Благо? – нахмурилась Дева. – Для того, чтобы пророчество сбылось ты, Герострат, должен сжечь мой храм в ночь его рождения. Мой храм. Прекраснейший из всех. Не Зевса. Да я уверена, что он просто завидует... – она побледнела. Прошипела свою гневную тираду на одном дыхании и я уже думал, что распрощаюсь с жизнью прямо во сне. – Я не посмею послушаться отца.

– Но если я сделаю это... – до меня потихоньку начало доходить.

– Он пообещал мне, что новый будет лучше этого. Обе-

щал, что этот его сын, очередной мужчина-владыка, очередной покоритель народов, очередной первый среди лучших... – от ярости у Артемиды перехватило дыхание и она глубоко выдохнула, успокаиваясь. – Зевс пообещал, что его сын оплатит строительство нового храма. Что тот привлечет самых лучших скульпторов, но как же противно...

– Если я сожгу твой храм меня проклянут! – бессильно прошептал я.

– Такова цена, за освобождение твоего родного города, – кивнула Артемида, отвлекшись наконец-то от своих бед.

– Но, что если я откажусь?

– Нельзя отказать. Зевс повелел, что так тому и быть и если это не произойдет, он окажется неправ и тогда мир, что мы знаем рухнет...

Она подошла и дотронулась мерцающей ладонью до моего лба.

– Запомни. Через две ночи, на третью. Сожги...

Руки трясутся, сердце вот-вот остановится, а в голове все равно только «сожги-сожги-сожги». Уже факел в руке, уже пробрался внутрь храма осталось всего ничего. Но чем ближе к Моменту, тем страшнее.

«Сожги», – упорствует вода и я утираю пот со лба.

«Сожги», – настаивает огонь и кажется до сих пор чувствую пламенное прикосновение Агротеры.

«Сожги», – упрямится ветер и доносит до моего слуха ее голос. Голос нежной матери и бесстрастной судьбы.

«Сожги», – требует земля и я разжимаю пальцы, отпускаю рукоять факела. Он, звездой в темноте, падает в храмовые записи. Сухие листья, льняная ткань, папирус. Они так хорошо горят.

2019 год

Несмеяна

Давным-давно в далекой-предалекой га... Ой. Это не отсюда.

Здрасьте, милые ребята, пионеры, октябрюта, мои старые дру... Так, снова что-то не то. Хотя, старые можно оставить. Глядишь – действительно уже не молодые.

Я сегодня, как и прежде, с новой сказкой к вам пришла. Хотя, как – с новой, мы же знаем, что все новое – это хорошо забытое старое, переосмысления, деконструкции и тому подобные выверты.

Ну так вот, было это давны-ым... Нет, вру. Вообще недавно было, буквально пару дней назад.

На новогодние празднования собралась семья царская. Ну как – царская: царь работал главным инженером в колхозе, под его предводительством ходила дюжина человек и автопарк на пять голов, тьфу ты, тракторов. Царица тем временем трудилась главным бухгалтером в том же колхозе. А вы что думали в сказку попали? Вот они тоже не попали. Жили скромно, не голодали, на хлеб с маслом (и икрой по праздникам) хватало.

А еще была у царя с царицей дочь – царевна, соответственно. Царевна-умница училась уму-разуму в школе, которую закончила с золотой медалью. Поступила в университет в столице и уехала мудрости набираться в сфере соци-

альных наук. Звонила редко, приезжала еще реже. Летом, бывало, на пару недель, а так все в Москве да в Москве. То сессия, то курсовая, то исследование, то опрос. Но чем ближе было главное испытание – защита дипломной работы, тем меньше весточек от царевны приходило. Пока она совсем не пропала.

Семья не на шутку испугалась, конечно. На иголках сидели, ночей не спали, всякую продуктивность в работе потеряли, как и покой. Долго это продолжаться не могло, вот и решили царские родители ехать в столицу. Билетами закупились, чтоб на перекладных с пересадками добраться до чудовища-города, что царевну поглотило. Новогодние каникулы ждали-ждали и дождались наконец-то. Сумки набили капустой квашеной, огурцами и помидорами солеными. Не забыли картошку с морковью, запасенные с лета, и отправились в путь-дорогу. Сначала до автобуса добирались, потом на нем – до поезда, а на поезде – два дня лесом, две ночи полем – и доехали.

Город встретил дождем. Царица, было, удивилась, мол, чего это дождь в декабре? Царь с умным видом лысину почесал:

– От чудовища такой жар идет, что снег тает на подлете, и до нас только капли достают.

На том и порешили. И ладно дождь, шум вокруг стоял невообразимый. Гул, треск машин прямо из недр доносился, будто чудовище давно не ело и это урчал его бездонный же-

лудок. А в желудок этот, что метрополитеном звался, предстояло спуститься царю и царице. Только для входа нужно было жертву принести – временем и деньгами. Сначала очередь к Яге отстояли, а вокруг люди ходили, торопились, то и дело плечом задевали или сумки ногами пинали.

Яга за стеклом и глазом не моргнула, когда царь к ней подошел. Еды не предложила, спать не уложила. Ну так мы уже выяснили, что не в сказке.

– Говорите, – противным, высоким голосом потребовала Яга.

– Да нам бы, – царь показал сначала на себя, потом на царицу, – отдать деньги и получить монеты, которые в чрево пропустят.

– На двоих? В обе стороны?

Царь кивнул поначалу, а потом все-таки сбивчиво уточнил:

– Д-да, – и сунул под стекло купюру фиолетовую, чтобы точно хватило.

Яга деньги на морок проверила, чтоб не обманули, и выдала две картонки и кучу мелочи. С этими картонками наперевес и пошли царь с царицей к пасти чудовища. Оно послушалось и разверзло ее, а оттуда еще больше шума да грохота. Но деваться некуда, надо дитячко спасать, вот и сиганули царь с царицей во чрево.

Долго ли, коротко ль, часа два ехали к общежитию студенческому, которое неприступной башней возвышалось над

соседними многоэтажками. Царь с царицей адрес сверили и пошли башню штурмом брать, а на входе снова Яга сидит и похрапывает. Тонкая и костлявая, почти Кощей, а храпит как богатырь, заметила царица и попыталась пробраться в башню без пропуска: день уже на убыль шел, новой жертвы временем семья не потянула бы. Но не тут-то было. Проснулась Яга кощеобразная да нависла черным коршуном над царицей:

– Куда полезли? Я сейчас охрану вызову! И выкинут вас отсюда! – закричала.

– Не сердчай, грозная, нам бы дочь повидать. Боимся, что она в беду попала. Ты нас пропусти, да Расскажи, где найти ее. Мы в долгу не останемся, – царица быстро сориентировалась, достала из сумки банку соленых огурцов по фирменному рецепту и Яге протянула.

– Как зовут? – костлявая рука прибрала банку и спрятала под столом.

– Ольгой меня кличут, – улыбнулась царица.

– Да не тебя, дочку!

– Марфа Никитишна она, – подхватил царь. – Нам бы одним глазком глянуть, что жива-здоровая, да гостинцы передать.

– Ну как же, помню-помню. Умница-красавица, – родители закивали на слова Яги, обрадовались, но через мгновение поникли, – только нет ее здесь уж год как.

Царица за сердце схватилась: ну точно доченька в беде, –

запричитала, мол, злой змей царевну выкрал и в темнице держит, света белого видеть не дает да родителям весточку послать. Мол, заколдовал он дочь, чтобы та и слова не сказала.

– А вы ей звонили, что приедете? – причмокнув соленым огурцом, уточнила Яга.

Стушевались царь с царицей, промямлили что-то про «сюрприз» и «не подумали», подхватили сумки да ушли от Яги из башни. Достал царь смартфониче, повозился с очками, набрал номер доченьки и уже через миг услышал голос уставший.

– Доча, ты где? – не вдаваясь в подробности выпалил царь.

– Дома, – выдохнула царевна. – К экзамену готовлюсь.

– Так тридцатое уже, какие экзамены? – царица прижалась ухом к трубке, чтобы тоже слышать разговор.

– Те, которые уже третьего числа начнутся. Пап, чего звонишь?

– Да мы тут это, с мамкой приехали.

– Куда приехали?

– К тебе, в Москву.

– И где вы сейчас?

– У общежития, а здесь, говорят, не живет такая.

– Ну да, я в прошлом году переехала.

– И нам не сказала, – протянула царица с укором.

– А толку? Чтоб волновались?

– Чтобы в курсе были!

– Мам, – выдохнула царица. – Ладно, чего уж. Приезжайте, я вам адрес скину. От общаги недалеко, такси недорого будет.

На том и порешили.

И действительно на такси до доченьки домчали очень быстро. Она родителей на пороге встречала худая, волосы по плечи обстрижены. Обнимались они и целовались, сумки были забыты, как и тревоги. А потом царица показала палаты двухкомнатные, в которых теперь обитала. Рассказала, что квартира досталась в наследство подруге, а та позвала ее с собой жить за половину оплаты счетов. Работа у царицы была, счета нашлось чем оплачивать, так она здесь и оказалась.

– А подруга где? – поинтересовался царь, усаживаясь за стол на кухне.

– К родителям поехала, помочь готовить и Новый год встречать. Это на другом конце города, так что комната свободна, я вам там постелю.

– А поесть есть что?

– Никита!

– Что? С утра ж не жравши.

И занялись царица с царицей готовкой, а царю скучно стало, он телевизор с выступлением шутов включил. Гоготал над шутками КВН-щиков так, что стены тряслись, и царица похихикивала, пока картошку чистила. И тут заметил он странное, дождался, пока царица выйдет по телефону гово-

ритель, и тут же царице зашептал:

– Точно заколдовали!

– Ты чего, Никит?

– Она ж не смеялась ни над одной шуткой, а они смешные, и очень. А у нее даже губа не дрогнула. Не улыбнулась.

– Да Марфушка просто устала. Сессия и диплом, она ж говорила. Не выдумывай, все в порядке. Скоро ужинать будем, – и царица поставила картошку вариться.

Но царь не сдавался. Пока царица хлеб нарезала и сельдь в маринаде на стол ставила, он начал анекдоты травить. И если первые три даже царица не смеялась, настолько часто он их рассказывал, то остальные семь только подтвердили его мысли о проклятье. Так и прошел ужин в попытках выдать хотя бы улыбку из царицы Несмеяны. Но все оказалось без толку.

Уже в ночи лежали царь с царицей на раскладном диване и обсуждали, что делать, как быть. Ну как – обсуждали. Царь вслух рассуждал. Царица буркнула, что отстать бы от дочери, дать ей отдохнуть, и заснула, шибко день был длинный. А царь не спал, включил смартфон и полночи искал самые смешные ролики на Ютубе, чтобы прям с утра заняться снятием проклятия.

Проснулся царь уже днем, когда царица с царицей на кухне всю готовились к грядущему ночному празднеству, позавтракал и принялся свой план исполнять. То анекдот про бабу за рулем ввернет, то что-то про женскую логику расска-

жет.

– А сколько нужно блондинок, чтобы поменять лампочку? – предвосхищая, как снимет с Несмеяны проклятье одной левой, царь елозил на стуле.

– Ровно столько же, сколько мужиков, рассказывающих сексистские анекдоты, – не выдержала царевна, встала и вышла из кухни.

В комнате воцарилась тишина, которая вскоре прервалась хлопком входной двери.

– Старый ты дурак, – выдохнула царица и схватилась за голову.

– Что я такого сказал? – в недоумении царь с трудом подбирал слова. – Я ж для ее блага стараюсь, рассмешить пытаюсь.

– Да не нужны ей твои шутки.

– Нужны-нужны, потом спасибо скажет, когда проклятье сниму.

– Не смешно ей с этих шуток, понимаешь?

– Мне смешно, тебе смешно, а ей не смешно? Ну точно проклятье!

– Нет, – царица покачала головой. – Ты вот знаешь, на кого она учится?

– На гуманитарное что-то.

– На социолога.

– На социального педагога что ли? Как в школе, чтоб за хулиганами присматривать?

– Нет. Не совсем. Она хочет быть ученым.

– И что?

– Знаешь какую тему диплома она выбрала? – царь молчал, поэтому жена продолжила, – Закрепление дискриминации и нормализация насилия через юмор. Это не дословно, как запомнила.

– И что это значит? – не понял царь.

И тогда царица попыталась ему объяснить, что не нужно шутить шутки про блондинок и то, как плохо женщины водят машину. На это ушло пара часов. К тому времени Несмеяна вернулась домой с пакетами. Прогулка пошла ей на пользу, на щеках появился румянец, и она уже не казалась напряженной или раздраженной, как перед уходом.

Разбрелась семья по комнатам, чтобы переодеться в праздничное и уже тогда закончить последние приготовления. Как раз когда «Ирония судьбы» заканчивалась они воссоединились на кухне.

– Никитка, включи что-нибудь нейтральное, пока мы салаты заправляем, – попросила царица.

Царь был бы не царь, если б и в третий раз не попробовал снять проклятие с дочери, поэтому включил Камеди Клуб. Она и бровью не повела, только челюсти напряженно сжала. А все потому, что шуты на экране сценку разыгрывали, да не простую. Парень сначала спросил у официанта, что бы ему такого заказать, чтобы девушка сегодня же провела с ним ночь любви. Официант-хитрюга предложил подсыпать в на-

питок волшебный порошок. Но все пошло не по плану: девушка пришла с отцом и отказалась пить заколдованный напиток, а вот ее отец захотел забрать напиток себе. Они пререкались-пререкались, правда раскрылась, и отец девушки узнал, что жених богат. И в тот самый момент, когда он начал уговаривать дочь выпить заколдованный коктейль, царевна не выдержала.

– Тебе что обязательно смеяться над такими отвратительными ситуациями? – таким тоном спросила, царю даже стыдно стало, что он смеялся над сценкой.

– А что такого-то? Ну да, он идет на обман, ну так это из-за любви! Он ее добивается!

– Ты вообще в курсе статистики изнасилований?

– А причем тут это?..

– Конечно не в курсе. А в курсе, сколько изнасилований происходит вот так, из-за «заколдованного» коктейля? – изобразила царевна в воздухе кавычки.

– Ну я...

– Конечно не в курсе. А ты вообще хоть когда-нибудь задумывался о том, почему парни решают, что подмешать девушке в коктейль снотворное – это забавно и вообще ничего такого? – Несмеяна не стала дожидаться ответа, у нее дрогнул голос: – Именно из-за вот таких сценок. Девушек спаивают, насилуют, издеваются над ними, а ты меня решил этим насмешить. Bravo, папа. Так держать! – и не в силах сдержать слезы, ушла в свою комнату.

– Нейтральное, да? – расстроено протянула царица.

– Да я уже не знаю, как себя вести! Как вообще подступиться! Ей голову всякой херней в этом университете забрили. Околдовали. Забирать ее отсюда надо. Давай увезем домой, а?

– И что ты там с ней будешь делать? Продолжать проклятье снимать? Дурь из головы выбивать?

– Да хоть так, дома и стены помогают, знаешь ли!

– Только вот это не проклятье, не морок, не колдовство и не херня в голове, как ты выразился.

– А что же тогда?

– Это она такая. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Моя дочь такой никогда не была!

– Разве? А какой она была?

– Доброй, понимающей, животных защищала и детей маленьких, чтоб их не обижали.

– Так ли это сильно отличается от защиты девушек на свиданиях?

Царь задумался.

– Я тоже многое не понимаю, – выдохнула царица. – Ну а разве не этого мы хотели?

– Не понимать дочь?

– Другой жизни для нее. Репетиторы все эти, университет столичный. У нас этого не было.

– Не было, да.

– Получается, это нормально, что мы ее не понимаем, а

она нас?

– Получается, что так, – раздосадовано сказал царь. – Но как же так?! Что нам теперь, не общаться? Не приезжать друг к другу? Я ж ее люблю!

– И я люблю, и она нас, – кивнула царица. – И ей сейчас не легче.

– Знаешь что? – решительно стукнул по столу царь.

– М-м-м?

– Мы будем любить ее любой, так?

– Так.

– И с короткой стрижкой, и с черными ногтями, и с сережкой в носу. Даже если она налысо побреется, все равно будем любить, – царица утерла слезы и кивнула, не в силах выдать хоть слово. – А значит, будем любить ее, даже если все шутки мира вдруг окажутся не смешными и оскорбительными!

– Что ты мне-то это говоришь? – вскинула руки царица. – Ей иди об этом расскажи!

И побежал царь к доченьке и попытался ей все так же красиво сказать, слова путались, терялись и не всегда находились новые. Но это было неважно, ведь царевна все поняла и расплакалась на плече отца уже от радости. И он не видел, но в этот момент она улыбалась.

Тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

2022

3200 лет назад

Война – дело грязное и вонючее. Осада – еще и долгое. А осада Трои может длиться не одну сотню лет. Ушлые троянцы находят союзников, покупают оружие и еду. А монет в казне, по рассказам, хватит на столетия. В конце концов именно за богатствами Агамемнон сюда пришел. Не за смертной дочерью Зевса. Елена – прекрасный последний штрих в его плане. Причина собрать тех, кому хватило выдержки не купиться на обещания золота или земли.

Дым от костров сизым подношением уносит к небесам запах капающего на угли жира. Солдаты и генералы думают, что смогут задобрить богов многочисленными жертвенными животными. Надеются, те наконец-то выберут на чьей стороне победа. И теперь чаша весов перевешивает: Гектор, лучший из троянцев, мертв. Повержен в честном бою с величайшим из ахейцев – мной. В стане врага должно быть смятение. Не пастуху Парису или старику Приаму вести войска в бой. Есть несколько генералов, но с ними справится даже Аякс.

От обилия молитв голова начинает гудеть. Вдали от лагеря стоит заброшенный храм Аполлона. К нему никто не подходит, боятся возмездия мстительного бога за разруху и запустение. Вокруг тихо, можно скрыться от гула голосов и криков животных, подумать в покое.

Там, стоя по колени в воде, ждет Фетида, дочь Нерея, су-

пруга Пелея, мать Ахилла.

– Зачем ты здесь, – перед тем как войти в воды реки, прикасаюсь к ним кончиками пальцев, прошу разрешение.

Богиня кивает и я подхожу ближе, только после этого отвечает:

– Уберечь тебя.

– От чего? После того, как стрела попала мне в лодыжку...

– Аполлон мстил тебе и управлял рукою Париса.

– Неважно. После этого я стал неуязвим, – руки в сторону, чтобы удостоверилась. – Стрелы и копья не могут прикоснуться к этой плоти. Я победил Гектора, а только он мог попытаться стать равным мне.

– Ты лучше сражался. Это не значит, что неуязвим.

– Разве?

– Ты все еще смертен. Вот тебе мое пророчество: останешься здесь и в погоне за славой – умрешь.

– Меня не забудут...

– Возвращайся домой, возьми в жены царскую дочь, роди сыновей, стань бессмертным через их голоса и память.

– Я умру раньше или позже, так какая разница?

– Не понимаешь. Мойры наготове, кинжал наточен, нить натянута. Прошу, не лишай меня радости увидеть твоих детей. Эта проклятая война уже забрала многих славных воинов с обеих сторон. Не становись одним из них. Ранение от стрелы Париса было лишь предупреждением.

– Матушка, – качаю головой.

– Просто пообещай подумать над возвращением домой, – ее нежный взгляд и голос, невозможно категорично отказать. – Пообещай обмануть смерть.

Проходят дни с нашего разговора.

Мирмидоняне не понимают почему я запрещаю им сражаться. Они ворчат и негодуют. Говорят: остальные начинают над ними шутить и смеяться. Говорят: Ахилл, как баба отсиживается в палатке пока остальные проливают кровь на берегу Эгейского моря. Говорят: греки проигрывают сражение за сражением и троянцы вскоре подберутся к самому лагерю. Говорят-говорят-говорят, но слушаются приказа.

Патрокл передает мне все, что слышит в лагере. Ярость прорывается в его голосе. Он умоляет отпустить отряды сражаться. Он просит возглавить их. Говорит, что троянцы поджигают ахейские корабли и если мы не вступим в бой, то нам будет не на чем возвращаться домой. Он требует и я позволяю.

А потом, оставшиеся в живых, мирмидонцы приносят его бездыханное тело. Они скорбят и сдерживают слезы. Говорят: возница Гектора мстит за смерть троянского принца. Говорят его рукой управляет сам Аполлон. Говорят, но я не хочу ничего слышать.

Нужно возвести костер, нужно воздать почести достойные героя. И когда он сойдет в царство Аида души поймут: это

Патрокл явился к ним в сиянии славы.

Дым от костра все такой же сизый и несет все такой же запах сторающего жира и мяса. Не хочу думать об этом. Патрокл не очередная жертва жадным богам. Нет, не может этого быть.

Агамемнон, первый среди равных, стоит поодаль, не может игнорировать смерть героя.

– Ахейцы скорбят по потере, – первое, что слышу, когда подхожу к нему, когда пламя успокоилось, а вместе с ним и дорогой Патрокл.

И все. Никаких шуток и издевок.

– Мы устроим игры в честь него.

– Троянцы пойдут на временное перемирие? – подаю голос.

– Им тоже нужно захоронить своих павших, – кивает царь разворачивается и идет в сторону своего шатра.

– Я буду сражаться, – кричу вслед, – после траура.

Агамемнон лишь кивает.

Но даже спустя месяц мы не начинаем сражение. Этот мстительный Аполлон насылает на лагерь болезнь и солдаты продолжают гибнуть, но уже не от стрел и клинков.

Стоны и смрад гниения коконом оплетают лагерь и днем и ночью. Спать становится все сложнее. Наверное оттого и лезут в голову все эти мысли о словах матери.

«Ты все еще смертен», глотаю вместе с вином. «Останешься здесь и в погоне за славой – умрешь», и кусок не лезет в горло. «Возвращайся домой, возьми в жены царскую дочь, роди сыновей, стань бессмертным через их голоса и память», путаюсь в словах словно в покрывале пока пытаюсь заснуть снова и снова. «Мойры наготове, кинжал наточен, нить натянута», смерть и болезни действительно близко. Как я раньше не замечал этого? «Эта проклятая война уже забрала многих славных воинов с обеих сторон. Не становись одним из них», как раньше не понимал, что не хочу.

Голоса гарпиями кружат над ложем: «Ахилл, как баба...», шипят они. «Ахилл думает, что обманул смерть...», смеются они.

На утро я приказываю мирмидонцам собирать лагерь. Они возмущаются: – Война еще не окончена! – и не понимают, спасаю не только себя. Они кричат: – Мы не за тем плыли в такую даль, чтобы вернуться домой с позором!

Они снова выполняют приказ. И когда лагерь собран, а корабли готовы к путешествию, мы отчаливаем от смертоносного берега Трои на радость мстительному Аполлону.

Остров Скирос, владения царя Ликомеда, встречает меня мирной тишиной, благоуханием цветов и пением птиц. О моем пребывании здесь Фетида договорилась с царем лично. Она сказала: – Тебе нужно обмануть смерть. Она сказала: –

Нужно продержаться до конца этой проклятой войны.

Слуга провожает меня в покои. Помогает снять доспехи щиток, за щитком. Забирает меч. Омовение приятно после долгой дороги. Все здесь будто создано для отдыха и я бы поспал до следующего утра, но по законам гостеприимства царь устраивает ужин в мою честь. Не появится на нем будет оскорблением самому Зевсу.

Слуга помогает облачиться в непривычные одежды и накрыть голову платком. После чего провожает в зал, где уже началось торжество.

Я же пытаюсь походкой, наклоном головы повторять Брисеиду.

Царь поднимается со своего места, подходит и берет мою руку в свою:

– Наша уважаемая гостья, Пирра прибыла из далеких краев. Да начнется веселье.

Он усаживает меня рядом с одной из своих дочерей.

– Деидамия поможет тебе освоиться у нас во дворце, – кивает Ликомед и возвращается к своему ложу.

Деидамия, глаза сверкают словно звезды, а румянец на щеках, как два персика. Она смотрит очень заинтересовано, обмануло ли ее это женское платье?

2019

Путь мужика

Весна. Птички поют. Солнышко светит. Идет мужик вдоль леса к дому. Машины мимо мужика проезжают, выхлопами в лицо воняют. А мужик довольный идет, улыбается. То ли зарплату получил, то ли водки выпил. Красота. Мужика дома баба ждет. Баба наверняка уже и пирожков напекла и самовар вскипятила. Еще довольнее улыбается мужик да присвистывает.

Дорога песчаная, обочина пыльная, машин все больше. И надо ж такому случиться: орава детей перед ним во главе с гусыней-матерью. Идут на всю ширину обочины, переваливаются, не обойти никак. Раз попробовал, второй, а они и не замечают. Одни галдят, другие рыдают.

Ну, решает мужик, на обгон. Заходит слева, теснит семейство, а сам по краешку канавы торопится пройти. И тут на тебе: прямо под занесенную для очередного шага ногу суется жаба.

– Блядь! Жаба! – выдает мужик громко.

Не специально, просто удивление захлестывает. Вот и получается, что весь детский сад за его спиной, во главе с гусыне-матерью, слышат.

Тут как в каком-то голливудском фильме с замедленной съемкой: мужик пытается не свалиться в канаву, гусыня возмущенно раскрывает рот и оттуда вылетает рев ментовской

сирены, а ребяташки на разные лады, как колокольчики, напевают: «блять-блять-блять-блять-ть-ть».

Да-да. Как «бом-бом» или «дзинь-дзинь», только «блядь».

– Что ты творишь, морда твоя алкашская! – орет гусыня. – Материться средь бела дня! Позорище какое. Скотина ты невоспитанная.

– Так жаба ж, – пытается оправдаться мужик, – резко слишком!

Гусыня слушать ничего не хочет. Все также как сирена выдает:

– Да из-за таких как ты у нас на Руси все так.

И слюнями прям мужику в лицо брызжет.

– Коля, перестань жрать песок! Матвей, не дергай руку! Да не ори ты так, а то по заднице дам! Рома, только не в коровью лепеху! Фу, Рома! Фу! – отвлекается на детей гусыня.

Ну, мужик не дурак, под шумок и делает ноги от этой сумасшедшей. Бежит, уже почти добежал до дома, а в голове все крутятся слова гусыни. И так ему обидно стало: за себя, за мат, за Русь, за жабу. Так обидно, что пришлось рукавом слезу утереть (одну, скупую), чтоб баба не видела. А то еще подумает, что умер кто.

Вечер проходит – мужику обидно. К пирожкам не притрагивается. Угрюмо чай-почти-кипяток цедит. Жена не дергает, мало ли что.

Ночь проходит – мужику во сне обидно. Как он краснеет

и бледнеет, пока его гусыня за одно коротенькое слово как школьника отчитывает.

Утро проходит – он снова к пирожкам не притрагивается. Жена уже вздыхает тяжело (всегда дурной знак).

– Решено! – кулаком по столу. – В Москву еду.

– З-зачем? – у бабы аж полотенце из рук падает.

– В университеты всякие поеду. Пусть там скажут, что из-за таких мудаков, как я, в стране все плохо.

– Мишань, да брось ты это. Ну подумаешь сказал кто-то что-то. С гуся вода и все.

– Не отговаривай, Любаня. Поеду. Мне надо узнать.

Очень решительно смотрит мужик на жену и кивает. Пока одевается, да бреется, баба все равно котомку собрать успевает.

– Огурчиков немножко, колбаски с хлебом положила, яйца вкрутую, чтоб не заляпался. В термосе чай, – мокро чмокает мужа в щеку, а он морщится: вот дура, до Москвы ехать-то минут сорок на автобусе.

– Не пропаду, – кивает, котомку забирает и уходит.

В Москве ветер и пасмурно. Все ходят хмурые. Мужик предложил бы дерябнуть, да не до этого ему.

Он в один университет сунулся, а там охранник ему:

– Пропуска нет? Нахер пошел.

Во втором, не дурак, говорит, мол:

– Забыл пропуск.

Усатый охранник (ну, ему бы тоже дерябнуть для настро-

ения), смотрит на мужика:

– Куда? – бурчит, не поднимая взгляда от кроссворда..

– Так, на кафедре русского языка, – жмет плечами мужик, а сам удивляется своей соображалке.

– К кому? – ручка у охранника противно скребет по бумаге. Странно, что не рвется.

– К Иванову. У меня назначено, – улыбается мужик, уверенный в своей хитрости.

А сам пытается еще и имя с отчеством рассмотреть. Фото на стене, под ним написано, но уж слишком мелко.

– Это вряд ли. Помер он. Сорок дней сегодня.

– Может к кому-нибудь другому? Очень надо.

– Ну раз очень надо, – тяжело вздыхает охранник и нажимает кнопку. – Поднимешься на второй этаж, там направо. Кабинет 236. Только стучи громче, филологи еще те, могут не слышать.

Радуется мужик, что наконец-то узнает правду. На самом ли деле из-за мата на Руси все плохо. Бежит по лестнице, чуть не спотыкается. Один пролет, второй. Поворот и вот она нужная дверь. Волнуется мужик, вытирает руки об штаны и только потом стучится.

А за дверью музыка громкая. Будто бы гармонь, труба и гитара. Кто-то надрывается еще, орет. Ну, мужик еще сильнее стучит, разве что ручку не дергает, когда дверь наконец-то распаивается. В проеме краснеет круглое лицо, лоб весь в каплях пота:

– Вы заблудились? – перекрикивает краснолицый музыку.

– Мне б уточнить...

Мужика перебивает вопль из кабинета.

– Все надоело! Пиздец! Нахуй! Блядь! – и задорная мелодия трубы.

Мужик улыбается довольно.

– Так вы хотели что-то? – уточняет филолог.

– Узнать хотел, но уже все...

– Ну раз все, до свидания.

Кивает мужик и идет к лестнице. Спускается по ней и довольно улыбается. Раз уж такие ученые мужи, в университете работают и при этом матерные песни поют, значит не в матюках дело. Не в матюках.

2019

Эвристика

Тишина такая, что судорожное дыхание грохочет эхом о стены. Сидишь в тупике очередного коридора, сжавшись в маленький комочек и боишься пошевелиться. Ты одна. Плачешь?

Темнота такая, что смотришь на ладони и не видишь пальцев. Они должны белеть где-то здесь. Длину своих рук знаешь. Не видно ни пола, ни стен. Ничего. Просто уверена – они есть, ведь не падаешь. Страшно?

– Ди. Я тебе помогу! – от неожиданности сердце набатом стучит в ушах. Оборачиваешься в попытке разглядеть говорящего. – Ты должна меня слушать!

Шепот кажется знакомым.

– Иди вдоль стены.

– Не... – «Не называй меня так!» – хочешь продолжить, но голос сходит на нет. Будто им кто-то управляет с пульта, нажимает минус на кнопке громкости. Не мьют, он не пропадает резко. Медленно уходит и больше не появляется.

– Там есть дверь. Ну же, дочка.

Нельзя не послушать. Осторожно, мелкими шажками вперед. Один, другой, пятый. Куда идти непонятно, а продолжаешь. Только, чтобы на месте не стоять. Волоски на руках дыбятся. Стараешься топать погромче, когда идешь, но балетки не самая подходящая обувь, пятки по кафельной плитке не

могут звучать звонко.

Пальцами щупаешь воздух. Стена же должна быть где-то здесь. Да! Шершавая, щекочет кожу подушечек пальцев, дает хоть какое-то направление. Спросить как долго еще? Узнать почему здесь и зачем вернулся? Он больше не дает о себе знать. Идешь?

За углом, в конце длинной шеренги порогов и проемов, зеленеет табличка «Выход», а под ней дверь. Вытираешь влажные ладони о сарафан и ускоряешь шаг. Все кажется сзади кто-то преследует, но это паранойя. Уверена?

Карточка-ключ болтается на шее, как какое-то украшение. Трясешься, подносишь ее к считывателю, индикатор мигает зеленым, нажимаешь на ручку. Дверь тяжело, но поддается. Торопливо спускаешься по лестнице, ноги заплетаются, чуть не падаешь (поручень спасает). Первый пролет, второй. Карточка срабатывает и на выходе, и на турникете. Волнение ускоряет пульс. Осталась последняя дверь. Нажимаешь, дергаешь. Заперто.

Жмуришься, пытаешься сдержать вновь подступающие слезы. Свет фонарей, шум улицы, летний ветер, проклятые лютики. Все это совсем близко, надо только...

– Опять заблудилась? – слова будто перекатываются на языке, тембр низкий, нежный – Потеряшка моя, я подскажу тебе.

Пойдешь? Сбито киваешь и взгляд в пустоту. Не может быть. Лет пять этот голос не слышала.

– Тебе нужно вернуться.

Хмуришься, качаешь головой.

– Не вредничай, детка. Давай.

Это кажется логичным, в конце концов здесь тупик, а коридор вел и налево. Сжав челюсти, неторопливо поднимаешься по ступенькам. Снова двери и карточка-пропуск. Снова крошечная темень. Сглатываешь.

– Умничка. – над самым ухом, так проникновенно, – не стой.

Вперед, решительно выдыхаешь и семенишь вдоль дверных проемов.

– Осторожно, здесь колонна.

Поднимаешь руку и, действительно, ладонь упирается в шершавость стены. Обходишь и вновь ускоряешься.

– Справа лифт, поворачивай.

Слушаешься и влетаешь лбом в стену. Перед глазами все белеет. Падаешь, теперь еще и затылок болит.

– Дура! Зачем так резко! И что теперь... – голос исчезает за накрывающей пеленой боли. Встаешь?

Лежишь на полу, керамика приятно холодит кожу. Встать совсем не хочется. Виски ломит от удара. Больно и обидно, настолько, что слезы не вытираешь. Всхлипываешь, глотая их. Как же это все надоело.

– Эй, ты чего здесь? Лежишь, плачешь, – испугаться нет ни сил, ни желания. Можешь попытаться отползти от источника звука. Если он вообще есть. Краем глаза замечаешь

ть. – Не обращай внимания! Ты чего правил не знаешь?

«А что мне еще делать?» – хочется спросить, открываешь рот и снова ни звука. Осторожно встаешь на четвереньки, все вокруг кружится. Знаешь, нужно только переждать.

– Ты к лифту шла, да? – как-то легкомысленно спрашивает тень и не дожидается ответа, – совсем не в ту сторону. Налево надо было. Тебя проводить?

Выжидательно смотришь в сторону. С выдохом садишься, привалившись спиной к стене. Пространство вокруг все еще кружится, но надо собраться. Встаешь?

Пересилив себя, поднимаешься и киваешь.

– Отлично! Тут недалеко, но хоть какая-то компания, правда? – ждет тень, но тут же продолжает. – А тебя как сюда занесло вообще? Я тут давно, но ты первая попалась с кем поговорить можно. Я так рад!

Медленно передвигая ногами идешь на звук. Даже не пытаешься реагировать на такого разговорчивого...

– Слушай, а мы с тобой нигде не встречались? Ну раньше. Там, – многозначительно тянет и, кажется, ты улавливаешь движение вихрастой макушки куда-то в сторону улицы. Качаешь головой хоть и не уверена заметил ли и уголками губ улыбаешься. Веришь, что этот точно поможет? Не убежит?

– Ощущение такое будто мы с тобой вечность знакомы. Все время ты вот так слушала, а я говорил.

Он такой болтливый и забавный, что ты не замечаешь как идти становится легче. Что уже не запоминаешь поворотов

и толком не держишься за стенку. Зачем, когда он берет за руку. Человеческое тепло, как давно ты чувствовала что-то подобное? Вспомнишь?

Ты бы может и ответила, да голос все еще не появился. Поэтому только киваешь и смущенно улыбаешься. Даже не зная видит ли он. Сможете ли вместе пойти дальше? Захочет ли он быть рядом? Может выведет?

– Вот и лифт, – совсем близко на стене подсвечивается стрелочка вниз, – выходишь и прямо к дверям. Не оборачивайся.

– А ты?

– Не, мне туда не надо. Здесь не всегда есть с кем поболтать, но... (вот тут резко обрывается) – двери лифта открываются, коридор заливают свет. Тень тут же тает, не успеваешь хоть что-нибудь рассмотреть.

Сцепив зубы заходишь в лифт, нажимаешь кнопку. Вокруг искривленные отражения смотрят вперед. Сдаешься и смотришь на себя: волосы взъерошенные, на лбу фиолетовым наливаются шишки, а под глазом ссадина.

«Ну ничего», думаешь, «надо только выбраться, а это все заживет». Лифт останавливается, но двери не открываются, упрямо показывают дрожащий подбородок и слезы навернувшиеся. Жмешь кнопку этажа снова и снова, но ничего не происходит. Минута, три, пять. Глазам больно от света, ушам от тишины. Больно-больно-больно.

Срываешься: «А-А-А-А-А-А!» – тишина прерывается

только глухими ударами кулаками о холодный металл. Бьешь, колотишь, мутузишь. На костяшках кровь, пачкаешь ею двери так, чтобы лица было не видно. Утираешь слезы, сопли. А они все льются.

Опускается на пол, снова перед глазами опухшее, красное лицо: «красотка, а! Хоть сейчас на обложку...»

Снова хлюпаешь носом. Приглядеться, всмотреться в свои же глаза в отражении, когда, если не сейчас?

«Что они с тобой сделали? Почему позволила? Зачем терпела?» спрашиваешь себя и не находишь ответа. «Кто на этот раз должен тебя спасти? Кого ждешь?»

Выдыхаешь, а действительно, кого? Ладони о платье, пальцы уже не так сильно болят, пока не трогаешь. Придется потерпеть. Резко выдыхаешь, цепляешься за небольшой зазор между створками дверей. Терять уже нечего, все силы вкладываешь, все желание выбраться отсюда. В голове крик в кабине тишина, только твое пыхтение.

Пальцы соскальзывают, тяжело дышишь и пробуешь снова. И снова. Небольшая передышка, знаешь, нужно двери раздвинуть так чтобы вставить между ними плечо, а дальше проще. «Дальше проще. Дальше-проще-дальше-проще-дальшепрощедальшепроще».

– А-А-А-А-А-А! – не замечаешь, как крик вырывается из горла, наполняет кабину и в конце концов вырывается из нее в небольшую щель между дверьми. Перехватить, держать уже нагретые от усилий края и все сильнее разво-

дить их в стороны. Одно плечо, другое. Ты уже чувствуешь, что воздух здесь посвежее. Выбираешься, валишься на пол, но встаешь.

Тут тоже турникет, тоже замок и даже попытаться их открыть – страшно. Сбиваясь с ног бежишь, турникет подмигивает зеленым, но такое уже было. Не позволяешь себе обнаддеживаться. Вокруг тишина, за окном светлеет. За стеклом уже утро и не светят фонари, шум пробуждающейся улицы, летний ветер и желтеют лютики. Все это совсем близко, надо только...

Толкаешь ручку, сбегает с лестницы и еще парочку метров, пока здание не остается за спиной. По инерции делаешь еще несколько шагов, толкаешь кого-то.

– Бешеная, как змеей укушенная! – ворчит дед и идет дальше, а ты смеешься в голос, полной грудью. Срываешь лютики и раскидываешь вокруг.

– Сама выбралась! СА-А-МА-А! – снова кричишь и смеешься. Начинается новый день. По-особенному новый.

2018

Фемида устала

Пиджак летит на кровать с такой яростью, будто это он во всем виноват. Глаза болят, богиня трет веки с силой, но зуд только усиливается. Фемида устало выдыхает и, шаркая тапочками по паркету, идет в ванную. Глаза красные, даже моргать больно. Она торопливо мочит полотенце холодной водой и накрывает веки. Становится чуть легче.

«Просто полежать, буквально полчасика и все пройдет», – думает богиня, возвращаясь в спальню, и со стоном облегчения ложится. Махровая ткань холодит кожу, и она почти забывает, что что-то не так. «Нужно к врачу записаться», – в полудреме решает Фемида. Сознание проваливается в уютную темноту. Возможно поспать это тоже выход. Возможно, она просто переутомилась со всеми этими заседаниями...

– Не мое, мне подбросили! – отчаянный голос молодого мужчины раздается на всю квартиру и Фемида резко садится. Полотенце падает на колени, ткань юбки тут же неприятно намокает.

– Кто здесь?

– Это была самооборона! Иначе бы я умерла! – надсадный крик из коридора.

– Что вы здесь делаете? – богине страшно слезть с кровати и проверить кто там. Разум подсказывает, что никого. Дверь и замок она запирала, консьерж не должен пускать никого

без предварительного звонка, а муж пропадает в офисе до ночи.

– Я требую соблюдать законное право на открытый и свободный суд!

– Я вызову полицию! – срываясь на визг, кричит Фемида.

– Какой из меня организатор, я просто уводил людей с проезжей части? – богине начинает казаться, что голоса звучат знакомо.

«Это было в прошлом году? Нет скорее в девятнадцатом», – на четвереньках, осторожно, подбирается к двери и выглядывает в коридор квартиры. Там разве что вечерний сумрак и тишина. «Вызвать охрану? А если никого здесь нет, пойдут слухи, что я двинулась», – судорожно соображает Фемида, – «а если никого нет и я их слышу – действительно двинулась», – богиня решительно встает и стремительно подходит к выключателю. Щелчок и свет заливает коридор. Несколько шагов и выключатель щелкает на кухне, а потом в гостиной. Пусто.

Не зная радоваться ли, что в квартире нет посторонних или что ей кажутся голоса, Фемида снова идет в ванную комнату и моет лицо холодной водой.

– Может, мне это приснилось? – выключив воду, вслух спрашивает Фемида.

– Нет, – звучит вполне отчетливо, она отскакивает от раковины и врезается копчиком в край стиральной машины.

– Ч-что нет? – смотрит на себя в отражение, оглядываться

или заглядывать в душевую страшно.

– Не приснилось. Ты же об этом спрашивала.

Богиня не сразу понимает что не так. Ее губы в отражении шевелятся! Складываются в те слова, что звучат прямо сейчас. В попытке проконтролировать себя, она зажимает рот ладонями.

– А ты смешная, – фыркает Фемида в отражении.

Если приглядеться очень внимательно разница между ней и отражением есть. У «той» волосы вроде бы также распущены, но у Фемиды они никогда не лежат настолько аккуратно, локон к локону. Да и черты лица: скулы резче, нижняя губа пухлее, а глаза... Они будто белой дымкой подернуты. Так обычно показывают в фильмах слепых.

– Ч-что тебе надо? – заикается богиня.

– Справедливость, конечно. А тебе нет? – Фемида судорожно кивает отражению. – А так сразу и не скажешь.

– Я делаю как надо! – страх прорывается криком, отражение морщится:

– Кому надо?

– Кому надо!

– Еще и огрызаешься, ну что за прелесть.

Фемида срывается и выбегает из ванной. Поскальзывается на паркете, почти падает, больно бьется коленом об пол, шлепки слетают с ног, но она не обращает внимания, хромает и как можно скорее закрывает дверь в спальню.

– Странно как-то прятаться от меня за куском дерева, тебе

не кажется? – голос раздается за спиной, и Фемида не оборачивается, знает, что в углу стоит трюмо с тремя зеркалами. Кажется, это работает именно так. Сообразив, она стягивает с кровати плед и не глядя набрасывает на трюмо, только чтобы не видеть.

– Но ты все еще слышишь, – говорит отражение и это правда, она слышит. А еще знает, что в этот момент отражение пожимает плечами, скрестив руки на груди. Богиня сделала бы именно так, но это не она. «Это демон или проклятье какое-то. Мне подсыпали наркотик в чай. Я все еще сплю», – она судорожно пытается найти телефон в сумочке, как всегда, под руку попадает все что угодно от антигистаминного до тампона.

– Ты прекрасно знаешь, что я – не наркотики и не сон, – фыркает отражение и богиня практически уверена, что делает это также, когда муж предлагает вместе посмотреть футбол.

– Ничего я не знаю, – сквозь зубы шипит Фемида и наконец-то набирает номер мужа.

– И что ты ему скажешь?

– Пашк! Пашк, приезжай срочно! – проглатывая окончания, кричит в трубку богиня.

– Что случилось? Люба?

– Я-я не знаю, просто приезжай поскорее, пожалуйста, я тебя очень прошу, я тебя умоляю, слышишь? Дорогой, миленький, пожалуйста...

– А если это сон, то тебе просто снится, что ты ему звонишь и я просто продолжу тебя мучить, – плед сползает с зеркала, будто его кто-то тянет за угол и вот на Фемиду снова смотрит ее отражение.

– Отстань от меня! Уйди! – богиня кидает телефон в трюмо, попадает в центральную часть, осколки со звоном и смехом летят на пол. Смех похож на треск стекла, от него холодно.

– Уйду, – кивает отражение с боковых зеркал, – как только получу то, за чем пришла.

– Я ничего не изменю. Все уже сделано год назад, два, – голос срывается, горло дерет. Сколько же она кричит?

– Вчера, сегодня, завтра, – злорадно кивает отражение.

– Да! И завтра тоже, это моя работа!

– Не это твоя работа.

– О, просвети, – фыркает Фемида.

– Видеть несправедливость, видеть нарушение закона и карать за это.

– И много ты видишь? – нервный смешок звучит как скрип старых досок. Отражение смотрит на нее молочными глазами, радужка едва угадывается, зрачков вообще не видно и от этого Фемиду мутит: – Кто ты?

– Та, кто может видеть суть и игнорировать наносное, докапываться до истины. Та, какой должна быть ты.

Щелчок открывающегося замка оглушают. Пашка заходит в квартиру и не снимает обувь, сразу заглядывает на кухню, в гостиную. Везде включает свет. Запыхавшись, пытается отдышаться, дыхание такое, со свистом. А у него проблемы с сердцем, вообще-то. Надо записать его к врачу, чтобы прошел обследование.

– Люба! – находит меня в спальней, в голосе облегчение. – Ты чего в темноте сидишь? – нажатие на выключатель и я слышу как по проводам течет ток. Это странно, но звук похож на струящуюся воду. – Люба! Ты что натворила, еб твою мать!

Он пытается достать смартфон из кармана, роняет и чертыхнувшись поднимает его. В голосе действительно беспокойство и наверное я должна быть рада. Значит любит.

– Алло! Скорая? Приезжайте! Срочно!

Глаза, оказывается, весят всего ничего – шестнадцать граммов на пару. Истина важнее.

2021

Змея

Уже в момент, когда доктор Карсон зашел в приемную он понял: что-то пошло не так. Не по жизни, так и быть, а конкретно в этом дне.

– Доктор Карсон, как же так, давайте быстрее. Оп-паздывать совсем не годится.

Такой бледной свою помощницу он еще не видел, ее смуглая от природы кожа потемневшая в недавнем отпуске, была предметом зависти некоторых клиенток доктора (он все эти охи и ахи восторга слышал из своего кабинета), а тут несмотря на гены и старания – такое бледно-серое лицо. Да еще испарина и бегающий взгляд.

Доктор Карсон поставил влажный зонт-трость в специальную подставку у входа и как можно спокойнее уточнил:

– Сара, у вас что-то случилось? – он перед выходом из дома проверил расписание на день: записи пациентов и обед с юристом (обычный, среднестатистический развод, ничего особенного). Вилор совершенно точно никуда не опаздывал. Даже по привычке пришел заранее, чтобы подготовиться к первому клиенту.

– Вас клиентка заждалась. Уже 20 минут как. Я ей и кофе предложила, и воду – отказалась. Только ходит из стороны в сторону и книжные полки изучает.

– Нонсенс, это невозможно. Первая запись у меня в две-

надцать, – нахмурился Вилор, снимая плащ и стряхивая капли дождя, перед тем как повесить одежду в шкаф.

– Ну как же, все в расписании есть, я пару недель назад вносила, может быть файл у вас не обновился? – Сара мяла в руках салфетку с такой силой и упорством, что от нее периодически отваливались бумажные ошметки прямо под ноги помощницы.

– Ерунда, все я обновлял и сегодня проверял... – он стремительно вошел в кабинет, чтобы наконец понять, что происходит. И замер на пороге.

На него смотрела богиня. Иначе бы язык не повернулся сказать. Статная, высокая (а сам Вилор был не из хоббитов), длинные темные волосы аккуратными волнами зачесаны назад и глаза цвета грозовых туч, такие будто из них в любой момент могли полететь молнии. Вилор с усилием закрыл рот и сглотнул. Он предпочел бы любоваться такой красотой как можно чаще и совершенно точно мог сказать, что видел ее впервые.

– Здравствуйте, как я могу к вам обращаться, – прервал тишину Вилор.

– Минерва, – он моргнул и она оказалась рядом, протянула руку для крепкого, совершенно не элегантного рукопожатия.

– Как в Гарри Поттере? – хмыкнул доктор и жестом предложил ей сесть.

– Да-а, – кивнула Минерва, – родители фанаты. – Вилор на

секунду отвернулся взять свой блокнот, а гостя (пациенткой язык не поворачивался назвать) уже удобно расположилась в кресле.

Доктор, устраиваясь поудобнее, попытался прикинуть возможно ли, что родители назвали дочь в честь героини из детской книжки, но на взгляд возраст гостыи прикинуть не получилось. Женщина скорее ощущалась чем-то вне времени.

– Для начала я хотел бы узнать как вы все это устроили? Запугали мою помощницу, чтобы попасть вне очереди? – строго, как преподаватель на экзамене.

– Я записалась на прием пару недель назад, по рекомендации... – она легким жестом поправила брошь в виде щита на пиджаке. Вилор приглянулся и заметил изображение Медузы Горгоны на украшении. Его, теперь уже бывшая, жена любила тратить целые состояния на вещи с таким же логотипом.

– Ну нет, эту чушь вы можете оставить при себе, – раздражение прорвалось в голос и доктор тут же одернул себя. Не было времени разбираться эмоции это вызванные путаницей, всей ситуацией или воспоминаниями о вертихвостке Марте.

– А вы упрямый, – сдержанно улыбнулась Минерва одними уголками губ.

– На том и стою, – коротко кивнул Вилор.

– Будем считать, что я использовала гипноз. Это ведь так

называется у вас, – помедлив она добавила, – профессионалов?

– Допустим, – кивнул Вилор, – и зачем такой спектакль?

– Чтобы попасть к нужному специалисту, – буквально процедила сквозь зубы гостя и стряхнула с рукава невидимые ворсинки.

– И с чем я вам могу помочь? – Вилор с интересом наблюдал за тем, как Минерва преодолагает себя в попытке раскрыться. – В конце концов, вы же уже решились, даже подстроили запись, не совсем честно.

– А вы со всеми клиентами так разговариваете?

– Только с теми, кто вламывается в мой кабинет и доводит до панической атаки мою секретаршу.

– Мой кабинет, мою секретаршу, – фыркает Минерва. – Вы мужчины такие собственники. Раньше я думала: ладно отец. У него статус, он его завоевал, отстоял. Поэтому так и носился со статусом кво, все следил, чтоб из детей конкурент не вырос. Особенно по сыновьям прошелся, они же главная угроза.

– А с дочерьми?

– А с дочерьми можно быть хорошими, они же безобидные цветочки, – хмыкнув Минерва встала и обошла кресло, снова подошла к книжному стеллажу. – Но ведь он опасался. До рождения опасался, что родится мальчик. А я будто чувствовала все его опасения и паранойю. Они будто впитались в меня.

– Вы близки с отцом?

– Не эмоционально, нет. Мне это и не надо. Я помогаю ему. Я близка к «трону» – она сделала кавычки в воздухе. – Так странно, среди всей этой профессиональной литературы – Одиссея.

Она взяла книгу аккуратно, потрепанный корешок в любой момент грозил рассыпаться, провела пальцем по имени. Задумалась о чем-то. Вилор посчитал до трех.

– Моя любимая книга в детстве, этот персонаж всегда казался самым достойным из ахейцев.

– И мне, – кивнула Минерва и поставила книгу обратно. – Такой острый ум еще поискать...

– Выдуманнные люди всегда остроумнее обычных, – протянул доктор.

– Вы ведь сейчас не про персонажа книжки говорите, – она улыбнулась посмотрев на доктора.

– А про что?

– А это такая игра? Ладно. Я думаю вы говорите, что все люди вокруг нас немного придуманы нами же. Особенно те, которых мы считаем возлюбленными. Мы идеализируем их. Они лучше других, они красивее других. Они хитрее, смелее, трудолюбивее остальных. Они поют... – Минерва прикусила губу и снова отвернулась к книжному шкафу, но Вилор все-таки заметил, как она смахнула с ресниц слезы.

– Мы ведь сейчас про кого-то конкретного, ведь так? – доктор сделал пометки в блокноте.

- Про кого-то конкретного, – кивок. – Хотите на чистоту?
- Мы вроде как именно для этого здесь.
- Ну да, конечно.

Минерва снова села в кресло, но буквально на краешек. Будто в любой момент могла возникнуть опасность и необходимость вскочить, защищаться, сражаться. Почему-то Вилор очень легко мог представить ее древней воительницей. Он терпеливо слушал и не торопил. Открыв со смартфона свое расписание на сегодня, он уже понял, что гостья намерена получить все его время. Остальные пациенты были перенесены на другие дни беспокойными ручками Сары. Так, сидя на краю глубокого кресла, опершись локтями в колени, сцепив руки в замок, Минерва начала свой рассказ. По-настоящему начала.

Я всегда резко реагировала на нарушение личных границ и влюблялась не в тех. Думаю, вам часто такое говорят. Но раз уж мы договорились на чистоту. У моего отца было множество детей от разных женщин. Совершенно разных. Некоторые из них могли развязать войны из-за оскорбления, другие же оскорбляли его своей холодностью и пылкой любовью к кому-то низкому, простому... И дети его всегда были очень разными. Кто-то всеми правдами и неправдами добивался его любви, одобрения, а кто-то просто жил и получал его милость и внимание, как нечто обычное, полагающееся

по рождению.

Где в этой истории я? Всегда где-то недалеко. Отец постоянно просил помогать его несуразным сынкам. Одному передай мудрость, другого собери в бой, третьего научи. С Алом вообще все было не просто, там наша общая мачеха вообще с катушек съехала. Я даже подумала, что когда-нибудь она точно убьет его. Я вела себя как подросток, где-то в душе возможно я им и была. Я ворчала, не слушала, может быть даже не хотела быть настолько хорошей дочерью, а потом все равно шла и делала. Пока один из них не отблагодарил меня. Принес дар из сражения с чудовищем. Наверное тогда я поймала себя на влюбленности? Хотя сейчас понимаю, что все это не значило ничего. По сравнению с...

Я услышала как он поет во время одного из праздников. Он совершенно точно не был обычным, когда он дотрагивался до струн, когда брал ноты и складывал слова в песни – все вокруг замирало только чтобы ничего не пропустить. Я знаю, ведь наблюдала за ним много дней и каждый раз мир расцветал. А смотреть за ним можно было вечно. То с каким трудолюбием он совершенствовал инструмент, как тянулся за новыми и новыми знаниями, порой даже отправляясь в далекие страны. Я переживала за него в походах, хотя знала, что ни одно живое существо не причинит вред.

Не смотрите так на меня. Да по большей части я не подпускала себя к нему или его к себе, как вам будет угодно. И, конечно, вполне нормально, что он нашел себе более от-

крытую, более веселую. Он влюбился, а у нее не было и шанса устоять перед таким талантом. И я уговаривала себя отступить. Я говорила, что они уже счастливы. Что я со своей неумелым взаимодействием с мужчинами обязательно что-нибудь испортила бы, поэтому нечего жалеть о том, что не раскрылась ему. А потом была свадьба. Он действительно женился на одной из этих глупеньких очаровашек, которая даже близко не может осознать всю величину его гения, для которой он просто певец с симпатичной мордашкой. Это не мои домыслы не смотрите на меня так. Я слышала как она говорила так своим подругам, подобным симпатяшкам с пустыми головами, которым лишь бы танцевать дни напролет да беспокоиться, как лежат ленты в их волосах. И, конечно, я разозлилась. На ее глупость, на его недальновидность. Ну как такая сделает его счастливым? И я подстроила все так, чтобы она...

– Вы мне сейчас в убийстве признаетесь? В таком случае я должен буду сообщить в полицию, – напряженно отчеканил Вилор.

– Я только внушила мысль.

– Кому?

– Какому-то пастуху.

– Так, и что же это была за мысль?

– Что он влюблен в эту милую глупышку.

– А он?

– Попытался взять ее силой.

– Вы же в курсе, что не можете отвечать за чужие действия.

– За эти я уже ответила, – Минерва тоскливо, через силу улыбнулась.

Она защищалась, она бежала от обезумевшего в своей похоти пастуха и наступила на змею. Змеи такого не прощают. Яд потек по венам и она моментально сгорела.

Мой возлюбленный страдал и вместе с ним мучился весь мир, животные, растения, люди, я. Самой не верилось, что смогла причинить любимому такую боль. Но не в моих силах было ее успокоить. Он все придумал сам. Отправился в рискованное путешествие, заключил сделку с самыми опасными из нас, выиграл и проиграл. И все это за считанные мгновения. По крайней мере мне так показалось. Вернувшись он погрузился в свой траур еще глубже. Он пил, он клялся больше не петь и тут же хватался за лиру, яростно бил по струнам, раня себя. Увидев кровь на его пальцах, я преодолела себя и вышла к нему. Орфей был пьян, едва выговаривал слова, а если и выговаривал, то не мог связать их между собой. Я уговаривала его, я клялась в любви, которой не сможет подарить ему ни одна смертная, особенно такая глупая пустышка, какой была его жена. Я сделала первый шаг и поцеловала

его, а он не ответил. Отстранился, посмотрел на меня мутным взглядом и сказал... Никому бы такое не простила. Никогда. Но я чувствовала его боль как свою. И до сих пор считаю, что во многом он был прав. «Люди верят, что ты богиня мудрости», – сказал Орфей, – «но твоей пронизательности не хватило, чтобы понять – ты никогда не сможешь заменить ее». Да, конечно, он был прав. Я была ослеплена им и потеряла то, за что меня ценили. Мудрость.

Орфей хотел, чтобы я ушла, ругал, проклинал, желал больше никогда меня не видеть. И тогда я поняла, как вернуть себя и исполнить желание любимого. Я ушла, но недалеко. Спряталась, чтобы он не заметил. Орфей снова взял лиру и снова затянул свою песню скорби. Я чувствовала, никто в мире не захочет испытывать все это долго. Я знала, что нам с любимым нужно будет просто подождать.

Крики менад, дикие, необузданные было слышно издали. Расслышав их, Орфей стал петь еще громче, вкладывая в мелодию всю боль порванной в клочья души. Одурманенные вином и магией их бога, женщины не могли проигнорировать певца. Они предложили ему себя и он отверг менад. Для них это было богохульством, для них это было оскорблением любимого бога. Люди обожают прикрываться чем-то таким, когда совершают страшное. Они же прекратили мучения Орфея. Менады рвали его на части так яростно, что для этого не понадобилось оружия. А Орфей только терпел и молил дядю, чтобы после смерти он встретился с Эвридикой.

Мне до сих пор иногда снятся оголенные кости, кровавые шматки мышц, повисшие на лоскутах бледной кожи. Музам потом пришлось собирать его тело по частям, просто чтобы подобающе похоронить.

А я оказалась права. После смерти Орфея ко мне вернулось мое самообладание и мудрость.

– И подобное больше не случилось?

– Доктор-доктор, – губы Минервы растянулись в уставшей улыбке. Рассказ явно потребовал больше сил, чем она рассчитывала. Гостья откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. – Вы же уже поняли кто я. И знаете что было дальше.

Вилор покосился на книжный шкаф.

– Именно. Потом был Одиссей. Остроумный, начитанный, мудрый. И безумно влюбленный в свою Пенелопу. Я помогала ему и наблюдала со стороны.

– Даже помогали его жене.

– О да, считаю это лишним доказательством, что стала немножко лучше.

– Но ничуть не менее одинокой?

– С этим я уже смирилась.

– Не правда. Если бы смирились – не обратились бы к специалисту, который способен вам помочь.

– А вы можете?

– Значит есть ради кого? – Вилору пришлось одернуть се-

бя. Уж больно много заинтересованности было в этом вопросе.

– Доктор, вас не учили, что отвечать вопросом на вопрос неприлично?

– А вам говорили, что с врачом надо быть честной как с...

– С исповедником? – Минерва едва сдержала смех.

– Да, как-то неловко вышло, простите.

– Есть ради кого, иначе я бы не пришла, – вздохнула богиня.

И Вилор понял, что это будет долгое, но очень интересное приключение.

2023

Восточный путь

Его дорога к краю света усыпана телами. Некоторых молодой Царь знал по имени, когда уходил за границы родных полей, большинство – малознакомая неопытная масса. Кто-то сорвался при подъеме на Кавказ или утонул при переходе через Инд. Кого-то ранило скифской стрелой, отравила ядом одна из восточных змей или женщина, взятая силой.

Мысль об этом настигает его на одной из вершин Гиндукуша. Там, где по легендам распятое тело Прометея терзает зевсов орел. Там, где, по словам Аристотеля, они должны были увидеть коварные волны реки Океан и по воде вернуться домой или хотя бы в Египет. Но реки нет. Есть только расстояние, покрытое трупами. И это не пугает. Единственное, что может страшить – не добраться до цели.

Зрения хватает только на бесконечные горные хребты и вершины, покрытые ослепляющим снегом. Глаза слезятся то ли от этой белизны, то ли от разочарования: Боги вновь передвинули границу мира, вновь проверяют его на прочность. Говорят: ты сможешь. А потом ехидно добавляют: возможно. Не впервые. И упрямому Царю приходится идти дальше. Открывать новые земли и народы. Исследовать, завоевывать, двигаться только вперед.

Армия стонет. Армия молит о внимании, унижаясь, просит о возвращении домой. Как оскорбленная пренебреже-

нием жена, она угрожает, строит козни и требует. Раздраженному Царю приходится скинуть баласт, вырезать недовольство из ее содрогающегося тела. Только тогда Армия послушно склоняет голову, следует за ним сквозь спутанные лианами леса, речные пороги и битвы. Сотни битв, после которых земля и пески пустыни превращаются в вязкую грязь. По ней, поскользываясь, идут выжившие. Приказа останавливаться не было. Они вот-вот дойдут до края, который прячется за ближайшими деревьями, а может, и за той рекой. Край земли или терпения. Никто не знает.

Оглушительный шум воды, такой, что забивает уши и не слышно слов товарища, наполняет души облегчением. Перед глазами: волны самоубийственно разбиваются о берег, противоположного не видно. Как будто его попросту нет.

Уставший Царь снимает шлем и опускается на колени. Океан. Край света. Я дошел, думает он, обезвоженный годами пути. Покрытые мозолями пальцы черпают влажную землю, а потрескавшиеся губы хватают ни с чем не сравнимый океанский воздух. Ненасытно, жадно, так, будто он и не дышал до этого момента.

– Стройте корабли, – хрипит Царь, и все, кто слышат его слова, цепенеют. Неужели этого недостаточно? Неужели безумный правитель заставит их плыть? Снова двигаться вперед, пока корабли не свалятся и не погубят всю армию? Ради чего? Ради бессмертия его имени?

Смятение в рядах солдат гудит чуть тише океанских волн,

но он не слышит этого.

«Что дальше, Отец? Куда? Что мне теперь делать?» – мысль натужно звенит, поднимаясь молитвой в небо, но остается без ответа.

– Мы устали!

– Позволь нам перед смертью увидеть детей.

– Не хотим быть жертвами твоего величия!

– Хватит! Мы хотим домой!

Надоедливые голоса вокруг снова что-то требуют, скулят и стонут. Тогда он, отмахиваясь от них, будто самому себе говорит:

– Мы идем домой. Теперь пора.

Гудение армии сменяется криками радости и хвалой. Богам, Царю, каждому стоящему поблизости. Военачальники, друзья детства подхватывают его на руки и радуются, совсем как обычные солдаты.

А Царю теперь нужен наследник, мать давно говорит об этом. Возможно, теперь самое время. И спокойно управлять своим государством. И умереть от дряхлости и старых ран в завоеванной вавилонской постели, как бы это ни было противно.

Голоса разведчика не слышно за празднованием и молитвами. Солдату приходится пробиваться к правителю, расталкивая сослуживцев, прикладывая все силы.

– Царь, пропустите меня к Царю!

Кто-то в запале размахивает руками и попадает локтем

в подреберье, болью выбивая воздух из легких. Солдат все равно настойчиво пробирается к самому берегу, где, сгорбившись, сидит сын Бога, направив вдаль опустошенный взгляд.

– Мой Царь, – времени на церемонии нет, но он дожидается разрешения говорить.

– Отдохни, мы отправляемся домой. Скоро.

– Но повелитель...

– Я достиг его. За границей моего государства будут только воды океана и край света.

Хрипота пугает разведчика, никогда, даже в сражениях с опасными ранами и болезнями, царский голос не был таким.

– Но местные. Они говорят, что это не Океан, мой повелитель. Они говорят, что за Гангом множество народов и земель. Это Ганг, мой Царь, не край света.

Только разведчик замечает, как меняется взгляд Царя, как расправляются его плечи и он вновь надевает шлем. Остальным еще придется узнать о необходимой жертве.

2018

Шекспириада

Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд

От бесконечного заседания Совета и духоты голова гудит, а Бэкон вылавливает в коридоре, не дает выйти на свежий воздух. Хочется сорвать удушливый воротник, поэтому просто сжимаю трость сильнее.

– Достоверный источник сообщил, что Папа заказал некий труд под названием «Всемирная история».

– К чему ты ведешь, Фрэнсис?

– Как думаете, Ваша Светлость, если мы ничем не ответим, с какой стороны будет преподнесена Реформация? – он смотрит прямо, говорит тихо, я же оглядываюсь по сторонам. Если он выловил меня здесь, то возможно еще рано ставить в известность кого-то из розенкрейцеров. Пытаюсь понять к чему он ведет.

– И такой запомнится потомкам, ты об этом, конечно, – киваю.

– И такой останется в истории. Я кое-что придумал. Вы же дружите с графом Ратлендом?

– А он тут при чем? Ты же знаешь, его не интересует политика. Рифмует свои поэмы, чтобы в итоге так и не опубликовать ни одну.

– Рифмует именно. И талантливо, насколько я знаю.

– Бесполезные таланты это проклятье, Фрэнсис, – я киваю

ему в сторону сада, еще немного и мигрень замучает.

– Думаю, Ваша Светлость, можно найти применение и этому таланту, – довольно улыбается философ.

Ох уж эта его тяга защитить Англию от католиков. Хотя, многие еще помнят Кровавую Марию, как и псалмы на латыне. Возможно друг прав.

– Так, что ты придумал?

– Я дописал поэму, – Роджер влетает в гостиную воодушевленно трясет перед моим носом исписанными листами.

Да, он снова заставил себя ждать. Хорошо хоть не забыл предупредить слуг о моем визите.

– Чтобы снова сложить ее в одну из своих папок? – ароматное вино бьет по обонянию раньше, чем оставляет безоружным от вкуса.

– Чтобы снова сложить ее в одну из своих папок и начать следующую. Могу тебе зачитать, – Меннерс, граф Ратленд садиться рядом.

– Как называется? – мысли вертятся вокруг предложения, что я должен сделать и совершенно не удерживаются на разговоре о...

– Венера и Адонис.

– Что-то легкомысленное надо полагать.

– Откровенное, – жмет плечами Роджер и подзывает слугу, которому вручает свою, так называемую, поэму.

– Это действительно то, чем ты хочешь заниматься, Роджер? – я допиваю вино и слуга тут же наполняет бокал снова, ему приказано меня напоить что ли? За Роджером станется.

– Мне не интересны эти ваши придворные интриги. Вся эта грызня за власть. Битва вот где искренность...

– А история?

– А историю пишут победившие в этих сражениях.

– Но порой дело можно не доводить до войны. Ты когда-нибудь думал писать пьесы? – говорю и тут же прикусываю язык. Можно было тоньше подойти к вопросу, но слова не вернуть.

– Для театра? – лениво тянет Меннерс.

– Для театра, – киваю.

– Они все равно останутся анонимны.

– Думал для прославления имени у тебя есть битвы. Я не об этом.

– А о чем тогда?

– О великих королях, о предшественниках Елизаветы. Такие истории, такие сюжеты...

– Ты же против моих увлечений, граф.

– Подумай: Генрих Шестой король Англии и Франции, Ланкастер начавший войну с Йорками. Его отец Генрих Пятый разбивший французов в битве при Азенкуре. Ричард Третий последний из Плантагенетов. Ричард Второй...

– Почему у меня ощущение, что ты заказываешь у меня пьесы, Оксфорд?

– Предлагаю просто подумать. Заезжай на будущей неделе ко мне. Будет Фрэнсис Бэкон, должно быть любопытно, – поднимаюсь так и не прикоснувшись к новой порции вина. Ставлю бокал на очередную стопку книг.

– Их уже некуда ставить, – отмахивается Роджер. – Том! Проводи графа Оксфорда, он уже уходит.

– Приедешь?

– Тебе пора, граф, – уходит от ответа хозяин дома и я больше не хочу давить на него.

Никогда не пойму, что творится в этой кудрявой голове.

«Розенкрейцеры узнали о заказанном Папой историческом труде. Они собрались защитить свою королеву-еретичку и «английского наследия». Речь идет о заказе пьес для показа простым крестьянам и зажиточным гражданам, дабы патриотичный дух отвернул еще не перешедших в ересь от Ватикана. Передай Его Святейшеству».

«Приказ Папы: выясни кто автор».

«Знаю, что Р. плодотворно работает и заканчивает уже вторую часть. Мы должны сохранить его анонимность. Папские шпионы рыщут по Англии, убийцы наготове. Фрэнсис, нам нужен план, какое-то прикрытие. Нужно навести морок и отвести любые подозрения. – О».

«Есть идея, осталось только получить его согласие. – Б».

– Роджер?

В кабинете душно и темно, а Меннерс настолько увлечен, что не реагирует на мое присутствие. Иногда он меня пугает. Хочется впустить в комнату хотя бы солнечный свет, может так станет легче, но окна занавешены. Подхожу к полке заполненной его поэмами.

– Ничего там не трогай! – граф Ратленд наконец возвращает перо в чернильницу.

– Что такого ты не смог написать мне? – показываю ладони в знак чистоты намерений и усаживаюсь в кресло напротив.

– Я опубликую их под своим именем, – он совершенно серьезен, будто все решил.

– Не смейся. Ты знаешь, что это невозможно, – заставляю себя выдавить смешок.

– Почему? Кто мне запретит?

– Общество не примет...

– Плевать, – он резко поднимается на ноги и начинает ходить из стороны в сторону. От одного книжного шкафа к другому.

– Роджер, ты забываешь, что общество в котором живешь...

– Эдвард, ты хотел, чтобы я их написал, – он снова перебивает.

– Да, но это не значит...

– Тебе не кажется, что если пьесы будут не анонимны...

– Нет, – я встаю и только тогда Меннерс останавливается, упрямо смотрит мне в глаза. – Крестьяне не примут поучение от аристократа. Ты не добьешься от них признания и потеряешь уважение равных.

– Я опубликую эти пьесы под своим именем, – четко выделяет каждое слово. – И ты мне не запретишь.

Роджер стремительно выходит из кабинета, дает понять, что разговор окончен. Непостижимый.

«Эдвард! Мне было пророчество! Сегодня еще до восхода солнца я проснулся от голосов и странного запаха. В моей опочивальне, рядом с постелью стояли три грязные ведьмы. Иначе их не назвать. Распущенный всклокоченные волосы, странные лохмотья. Они бормотали что-то про глаза лягушек и перо воронов. Они бормотали что-то про будущее и прошлое. Они сказали, что если я открою свое имя как создатель историй про умерших королей меня убьют раньше, чем закончится этот год. И все, что я мог бы написать, канет в Лету...

А потом я моргнул и они пропали. Большие заснуть не смог. Знаю, что подходит время. Знаю, что пора показать людям Генриха Шестого. Знаю, что сам не смогу этого сделать. Впереди еще столько сюжетов, столько героев.

Передай Бэкону, что я согласен на его предложение. Я со-

гласен на поиск маски. — Р».

«Твой план с актрисами сработал, дорогой друг. Пророчество ведьм произвело на Р. неизгладимое впечатление. Начинай поиск «потрясающего копьем». Нужен кто-то верный. Или тот, кого сможем купить только мы. — О».

«Еретики ищут подставное лицо, называют его маской. Внедрю к ним своего человека. Возможно так мы выйдем на Анонима».

Роджер Меннерс, 5-й граф Ратленд

Люди у сцены беснуются, им нравится. Они смеются вместе с героями. Они плачут вместе с героями. Вместе со словами написанными этой самой рукой и выдуманными этим самым разумом.

Оксфорд говорит, что гордость грех и я не должен чувствовать себя выше кого-либо. Но разве это не противоречит самому существованию аристократии и монархии? А значит я могу гордиться, мне есть чем.

Оксфорд говорит, что мы только в начале пути и предстоит еще очень много работы. И он прав, конечно, прав. Я могу рассказать им не только про другие времена. Я могу показать им другие страны: французский двор, датский двор, Италию, любимую Падую. Истории, которые никогда бы не прожили обычные крестьяне будут будоражить их фантазию и сниться потом годами.

Оксфорд говорит, что вот этот человек на сцене – Шекспир. Сын перчаточника из Стратфорда-на-Эйвон. Никто не знает обучен ли он письму, а все будут знать его, как автора моих поэм и пьес. Что все овации и хвалебные слова, вся слава будут доставаться ему. Это так он пытается усмирить мою гордость? Он не понимает, что мне плевать, пусть хоть женщину назовут Шекспиром. Мне некогда об этом думать, поэтому встаю и оказываю полагающиеся почести своей же маске.

– Шекспир! – кричу и хлопаю пару раз и тут же разворачиваюсь на выход из ложи. Премьеры это очень интересно, но ненаписанные строки зовут.

«Чума закрыла все театры и я уехал из Лондона. Оставляю поэму на публикацию Шекспиром, пусть люди отвлекутся. – Р».

«Предоставьте отчет!».

«Маску держат подальше от Анонима. Слуга графа Оксфорда передает ему пьесы и поэмы. Жалование платят исправно, но в детали не вдаются. Окружение графа Оксфорда богато на талантливых поэтов, он постоянно крутится в театральных кругах и очень осторожен в разговорах и письмах. Остается только ждать, что Маске начнут доверять».

«Шекспир написал занятную вещьцу. Думаю тебе понравится».

вится. Он назвал ее «Укрощение строптивой»». Отвлекись от бесконечных трудов и посмейся. Тебе будет полезно. – О».

«Теперь Маска пишет пьесы, Эдвард? Еще скажи, что тыпустишь ее на сцену! – Р».

«Она действительно хороша. Представь мне его. – Р».

Я принимаю Уильяма в кабинете. Он не знает куда деть перчатки, постоянно вертит их в руках, тербит пуговицы на камзоле и не смотрит на меня. Точнее отводит взгляд каждый раз когда замечает, что я его изучаю.

– Ты все-таки умеешь писать, – мои губы кривит неожиданная ухмылка. Это что я все-таки завидую ему? Оксфорд наверняка напомним, что зависть тоже грех.

– Обучен, Ваша светлость, – он так странно кивает всей верхней частью тела, будто кланяется.

– Мне понравилась твоя комедия, но есть кое-что... – я специально выдерживаю паузу, чтобы проверить его.

– Я приму любой совет, Ваша светлость.

– Почему Англия?

– Потому, что я знаю свою страну и ее народ, – простой вопрос и простой ответ.

– У меня есть одна идея, должно получиться забавно... – Оксфорд прав, мне надо отвлечься.

«Ш. переберется ко мне на время. Работаем над пьесой. — Р».

«Меня допустили до Анонима. Прошу позволения на казнь еретика».

«Веди наблюдение, вникни в их план и только потом».

«Укрощение строптивой» продлевают еще на 10 недель. Уилл удивляется, а я говорил Падуя добавит шарма в его сюжет. Итальянская страсть не может оставить равнодушными замерзшие английские сердца.

Я и не думал найти в нем собеседника, но мы все чаще обсуждаем героев и превратности их судеб. Ему не достает образования, начитанности, но... Он посвятил мне сонет. Один из тех, на которых оттачивает свое мастерство.

Я уже называю его мастером? Не может быть.

Посвятил сонет, да. Лихорадка мучает меня, жрет ночами, пьет все соки днем. Я вспомнил пророчество ведьм. Вспомнил сколько еще нужно было бы создать и составил завещание. Позвал Бэкона и Шекспира просил их продолжить наше общее, теперь, дело. Уилл перепугался и через неделю показал...

«Но если смерти серп неумолим,

Оставь потомков, чтобы спорить с ним!»¹

Оставь потомков. Как же он не понимает, что плотское не

¹ Сонет 12 в переводе Самуила Маршака

лежит в моих интересах.

Оставь потомков. Ему удобно, он настрогал дочерей прежде, чем ввязаться в это все.

Оставь потомков. Никто не понимает! Мои создания, мои потомки – это пьесы. Как же хорошо, что они не останутся сиротами и не будут страдать от безотцовщины, если я все-таки умру.

Уильям Шекспир

Он женился, но что толку если это платоническое? Почему? Неужели его гений настолько застилает глаза, что Роджер не понимает... А я понимаю ли? Понимаю, где его строчки, а где...

Я видел, как затаив дыхание, цветочница следила за первой встречей Джульетты и Ромео, но не могу вспомнить, что из сцены на балконе предложил я, а что он. Я видел, как слезы текли по щекам разносчицы эля и никто не мог до нее дозваться, когда Ромео глотал яд и как она пораженно открывала рот, когда Джульетта пронзала себя клинком.

Смогу ли я разобрать где заканчивается его мысль, а где начинается моя?

– Граф Оксфорд попросил и ты просто начал писать Генриха Пятого? – я кладу только дописанные «Много шума из

ничего» на его стол.

– Он давно этого ждал, – кивает Ратленд не поднимая взгляда.

Он не отвлекается от пера скользящего по бумаге даже на приказ сменить свечи. Просто склоняется над столом все больше, все ближе придвигает ту одинокую, что еще не догорела.

– Граф Оксфорд?

– Генрих.

Когда Меннерс работает к нему лучше не лезть. Он становится раздражительным, дерганным. А чему я удивляюсь? Будто не знаю, что отвлечь может одно слово и все, потом мучайся часами от того, что мысль ускользнула. Одна такая, ускользящая не дает мне покоя.

– Ты действительно хочешь, чтобы Роджер изобразил Советника Елизаветы в таком неприглядном виде? – голос Бэкона узнаю сразу, чтобы не спугнуть разговаривающих остаюсь за углом, не даю о себе знать.

– Сесила не терпит никто кроме Королевы, – граф Оксфорд практически шипит, когда называет ненавистное имя.

– Но стоит ли разжигать еще большую ненависть?

– Чтобы Елизавета поняла какую змею пригрела на груди, конечно! – голос графа звучит все громче. – Шекспир, что ты здесь делаешь?

– Всего лишь новая комедия, Ваша Светлость, – поклон и полуправда, что может быть легче. Папа легко отпускает

грехи своим слугам.

– Не терпится увидеть, – Бэкон вежливо улыбается.

– Дела в театре зовут, – спешу на выход, пока они не поняли, что я слышал слишком много.

«Это начинает выходить из-под контроля! Если ваш агент сменил сторону, пошлите другого, но Ратленда нужно лишить возможности писать».

«Ш. проводит много времени с графом, они разговаривают о чем-то, меня не допускают до этих аудиенций. После Ш. уезжает в театр, труппа занята новой, секретной постановкой. Часто приезжают О. и Б. Что-то готовится».

«Это бунт против Елизаветы. Эссекс и Саутгемптон уже в Лондоне. Ратленд присоединиться к ним еще до полуночи. Укрепить замок, защитить королеву. Выезжаю. – Сесил».

Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд

Ее Величество неловко расправляет складки платья. Ее сморщенные пальцы явно дрожат. Это возрастное, я видел такое, когда отец жены начал гаснуть.

– Не медли, Эдвард. Я все равно знаю зачем ты здесь, – и голос, голос тоже дрожит. Что же с тобой стало, моя прекрасная королева? Время не щадит никого.

– Тот драматург, помните Вам приглянулся «Сон в летнюю ночь»? – именно потому, что она знает я начинаю с этого.

– Да-да, помню. Как же его звали?

– Шекспир, – тут же подсказываю.

– И что с ним? При чем здесь бунт против Нас и казнь Меннерса? – хмурится и из-за этого на коже окрашенной в белый только сильнее проступают морщина на лбу. – Ты пытаешься переменить уже решенное дело, Эдвард.

– Эти пьесы писал Меннерс, – словно пороховой взрыв выдаю имя.

– А Шекспир?

– И Шекспир.

– Ты рассказываешь мне такие сказки, мой дорогой Эдвард. В пору решить, что ты выжил из ума, – она отмахивается, она не верит мне. После стольких лет служения, не верит!

– Так ли это важно сейчас? – обида жжет грудь и я повышаю голос. – Важнее всего, что вот-вот от Вашего имени казнят светоч, чьи произведения будут помнить веками! Умоляю. Отправьте в ссылку, закройте дорогу в Лондон, отстраните от двора, но не лишайте Англию...

– Говорят, что эта пьеса была написана по твоему заказу, – холодно замечает Ее Величество и я понимаю, моя горячность дорого встанет.

– Приму любое наказание, – смиренно склоняю голову.

– Даже смерть? Пойдешь ли ты на плаху вместо Меннер-

са?

Я уже и забыл, как она бывает жестока, наша добрая королева Бесс.

– Даже смерть, – киваю. – Пойду куда прикажет моя королева.

– Уйди с глаз моих и больше не появляйся при дворе. Роджер проведет всю свою жизнь в замке Аффингтон под надзор своего дяди.

– Милостивая... – я готов упасть на колени и целовать подол ее платья. Я готов упасть и больше не иметь возможности встать, захлебнувшись слезами облегчения.

– Уйди, – едва слышно приказывает Елизавета и я больше не смею испытывать ее терпение.

Я рискнул всем, чтобы свергнуть Сесила. Втянул Фрэнсиса и Роджера, даже подпустил католического шпиона слишком близко и чуть не потерял труд десятка лет. И ведь даже не Шекспир нас предал, удивительная верность для католика. Слуга Меннерса, Том, такой не обладал. Хотя, когда Уильям только признался, я чуть было не прикончил на месте этого безродного сына перчаточника, но...

Роджер пишет новые пьесы про древних шотландских таинов и заговоры, про римских полководцев и жизнь в изгнании. Его сюжет становятся все мрачнее, разница с комедиями Шекспира все заметнее. Да Уильям их и не пишет боль-

ше, занимается театром. Зато сонеты...

«О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?»²

Дамы вздыхают и шевелят губами, когда читают эти строчки, юноши цитируют их возлюбленным дабы добиться благосклонности. Все почему-то решили, что это романтический сонет. Но я-то знаю.

Знаю, что они оба никогда не будут прежними и с ужасом боюсь застать смерть хотя бы одного.

2020

² Сонет 39 в переводе Самуила Маршака

Тоска

Тоска – это всего лишь слово. Оно никогда не расскажет почему кусок в горло не лезет и за неделю теряешь с десятков килограммов. Не поведает почему никак не заснуть, хотя будильник прозвонит через сорок минут, а ведь уже никакая тоналка не справляется с синяками под глазами.

Тоска – слово не способное передать зуд, словно песчинка под веко попала и царапает роговицу и никакие капли не вытащат ее оттуда, пока не прорыдаешься. Час-два-три от соли щиплет щеки и уголки глаз. Три-четыре-пять пока голова не начнет трещать по швам и не заснешь от бессилия, чтобы через полчаса проснуться от чертового сигнала «пора на работу».

– Ты скоро? – приглушенно доносится из-за двери вместе с скрипом новых кед об пол. Даже видеть не нужно, чтобы знать: он теребит потрепанный рукав рубашки, садится на кровать и нетерпеливо трясет ногой.

– Пять минут, – выдох и сигаретный дым попадает прямым в отражение. Окурок летит в ванную.

Она мажет губы помадой, залезая за границы контура, зависает на секунду. Плевать и так сойдет это – гранж, детка. Глоток водки обжигает горло, недостаточно. Пусть будет два.

И туши побольше на ресницы, а то половина осыпалась под глаза. Или это синяки? Кожа краснеет в месте где неосторожно царапает ногтем. Черт! Ладно, плевать.

– Долбаные фотографии все равно снимут так, будто я жирная уродина, – Лив распахивает дверь ванной с такой силой, что ручка попадает в будто бы специально вырезанную вмятину в стене.

– Срать на них, красотка, – Клайв действительно сидит на кровати, поднимается и подходит близко-близко. Так, что в дыхании чувствуется запах алкоголя.

– Рок-звезде можно, – она фыркает и мгновенно обнимает, запускает руки под рубашку, сжимая в кулаки футболку, пахнущую потом.

– Жене рок-звезды можно еще больше, – он шепчет в висок, целует в лоб. – Ну, давай забьем и не пойдем, м?

– Забьем, а потом пойдем.

– Для блеска в глазах, – кивает жене на прикроватную тумбочку, где каждому приготовлено по дорожке кристального удовольствия.

– Во сколько, говоришь, начинается церемония?

Они, конечно же, опаздывают. Целуются на заднем сидении лимузина, так что теперь его губы измазаны красным не по контуру и Лив залиvisto смеется.

– Тебе идет, оставь так, – и слезы утирает, размазывая тушь. – Тут есть шампанское!

И они открывают Кристалл, разливают половину бутылки

на пол, а половину все-таки в себя, друг в друга и плевать, что организаторы рвут и мечут. Фотографы хотят получить свою порцию пирога от Клайва Келвина и они получают, если тому будет до них дело.

– Как я выгляжу? – спрашивает Лив, за секунду до того, как открывается дверца машины и фанатские визги заглушают ответ мужа.

Она едва сдерживает смешок, заметив размазанную помаду на его подбородке. А Клайв крепко держит ее за руку, не позволяя отойти ни на метр. Если фотографы хотят, пожалуйста, но на каждой они будут вместе. Стив говорил, что отдельно его фото стоит дороже, агенты всегда такое знают. Ну ничего, переживут. Лив таки тянется оттереть алое пятно, а он снова целует, безумный.

– Да отлипни ты уже от него, корова! – Клайв раньше жены понимает, что это им. Сжимает ее пальцы до резкой боли в костяшках прежде чем отпустить. Через секунды он уже забирается на невысокое ограждение и прыгает в толпу шакалов-фотографов.

– Что ты сказал? – орет Клайв и размахивает кулаками во все стороны. – Ты это про мою жену, мудака!

Лив пытается дотянуться, пытается вытащить его оттуда, успокоить. У охраны, конечно, такое получается лучше. Но разве ж Клайв просто так даст себя остановить? Одному охраннику достается локтем в подбородок, другому пяткой под дых. Дорогие фотоаппараты превращаются в месиво из

пластика и стекла.

Руки трясутся, сигарета прыгает в пальцах, зажигалка все никак не хочет дать огня.

– Черт тебя дери, – судорожно выдыхает Лив, когда к ней подлетает агент мужа:

– Вот уж действительно, твою мать, дери. Какого черта у вас происходит? Обдолбаться перед выступлением! – он всегда выглядит опрятнее, хотя носит такие же джинсы и рубашки, как муж.

– Все в порядке, Клайв выйдет и все сделает, он эти песни...

– Не выйдет, – Стив выхватывает у нее сигарету и зажигалку. Прикуривает и затягивается, игнорируя ее жадный взгляд, это была последняя. – Выступление отменено. Копы разбираются с дракой, – агент словно подачку возвращает ей сигарету.

– Но что... – затяжка, наконец-то. – Но что теперь делать?

– Езжай домой, проспись.

– А Клайв?

– Я поеду в участок и разберусь.

– Они же наверняка должны назначить залог...

– Лив, не лезь, а! – прикрикнув, Стив разворачивается и уходит.

– Чувствую, как время внутри меня кончается. Стрелка

часов щелкает все медленнее, будто батарейка садится. Это тиканье спать мешает. Слышишь?

От каждого его слова повисшего в воздухе становится невозможно дышать. Ей хочется открыть окно, чтобы прохлада разбила эту духоту откровений, чтобы проветрить комнату. А он все говорит-говорит и никакое открытое окно не поможет.

– Нет, не слышу, может у тебя электронные? – дурман кружит голову, а мысли при этом такие прозрачно чистые. Вот и приходит в голову всякое. Лив делает еще одну затяжку, будто это нужно чтобы сложился какой-то пазл, только в голове. Пальцы не слушаются и окурок падает, когда подносит его к губам. На ковре останется пятно. Ай, ладно.

– Раньше слова жгли язык, мелодии плавили мысли, пока я их не записывал. А сейчас...

– Что сейчас?

– Огня почти не осталось, – Клайв часа три уже просто смотрит в потолок.

– Ты всегда говорил, что это всего лишь песни, всего лишь слова.

– Чертовым журналистам-шакалам, – кивает муж и Лив не выдерживает, подскакивает с места, садится рядом на диван. Пропалили сигаретой обивку? А края такие приятно жесткие, по сравнению с остальным диваном. Пальцем обводит круглое отверстие.

– Ты скажешь мне, если начнешь умирать? – и откуда у

нее в голове только берутся эти вопросы! Как будто без обработки мозгом, сразу на язык. Клайв молчит, по прежнему смотрит в потолок и даже не кивает. Черт!

Тоска – просто буквы и в них нет той жажды борьбы с одиночеством. Она одновременно разрывает и сжимает сердце, пока в очередной раз понимаешь: никому нельзя доверять.

– Что значит ему нужно а клинику? Что? Не только ему? Да пошел ты, Стив! – она швыряет трубку и та виснет на проводе, издавая противные короткие гудки. Пусть так, зато дергать не будут.

Последнюю неделю, каждую ночь из семи возможных, Клайв просыпается в три часа после полуночи и идет курить на балкон, и не возвращается обратно в кровать. Он дергается: то достает виски из шкафчика, то ставит бутылку назад, так и не открыв. Он лежит на диване, тупо уставившись в телевизор, который даже не включен.

Когда Лив зовет его к завтраку или выйти в кафе, в парк, куда угодно, Клайв с радостью утопающего хватается за эту возможность. Он хочет чувствовать себя хорошо. Он хочет быть счастливым. Он хочет спать спокойно, но каждую ночь встает и снова начинает бродить по квартире, как долбаный призрак.

«Не могу заснуть, слишком много идей в моей голове, это нормально. Спи».

«Первый концерт само сложное, ненавижу перерывы».

«Ты же поедешь со мной, правда?».

Планы-планы-планы. Логистика расписана на год вперед. Фестивали, клубы, церемонии награждения. Интервью, клипы. Люди-люди-люди. Они шумят, они достают его вопросами, они все чего-то хотят.

«А о чем вы думали, когда писали эту песню? А ту?».

«Что вы хотели сказать этими строками?».

«Ваш имидж это какое-то политическое высказывание?».

Что за бред? У него просто отросли волосы и он не стал стричься. Этими строчками он хотел сказать, то что написано в этих строчках. Слова просто слова, не надо искать двойное дно. Ни о чем не думал, я был под кайфом. Возможно поэтому они такие херовые.

Когда Лив просыпается на часах три, час дьявола, тишина вокруг такая будто она оглохла, даже холодильник не подает признаков жизни.

– Клай? – то ли для того, чтобы проверить, что его здесь нет, то ли, чтобы услышать хоть что-то. Муж не отвечает и тогда она вылезает из кровати.

Еще и темно. Нашупав прикроватный торшер она щелкает выключателем. Теплый свет лампы заставляет зажмуриться. Выхватывает смятые простыни, брошенные на полу черные капронки, плюшевый розовый халат на стуле, Клайва в

кресле. Лив улыбается, он здесь и далеко не ушел, это хорошо.

Она успевает сделать к креслу в углу пару шагов, прежде чем понять: лицо любимого не умиротворенное. Губы синие не потому, что ночь все окрашивает в цвета тоски. Под ногами действительно липко и влажно, а на его запястьях два аккуратных пореза.

Они молодцы. На самом деле, молодцы. Ребята на экране молоды и старательно играют каждую сцену, каждую эмоцию прописанную в сценарии, но это все еще не мы, не наша жизнь, дорогой. Где-то подкручено для драматизма, хотя куда уж больше. Где-то вырезано, чтобы не шокировать и без того измученных фанатов. Хотя, чем их удивишь, они придумывали вещи и страшнее: тысячу и одну версию событий той ночи и в каждой была виновата я.

На финальной сцене не моргаю, пусть текут слезы. Смотрю и впитываю каждое слово, каждое движение. То как Лив-Не-Я мечется между уже остывающим телом Клайва-Не-Тебя и телефоном, по которому в истерике звонит в 911. Истерика действительно была, а вот звонок. Хоть убей, дорогой, не помню. Было так странно слышать его потом в записи, когда полиция и эти ужасные страховщики все проверяли.

Меня в этой комнате будто не было.

Слезы текут, смывая тушь с ресниц. Надо будет всего

лишь выйти из зала пока еще темно, пока все будут всхли-
пывать под титры, под написанное белым по черному: через
месяц ему бы исполнилось 28 лет.

Выскользнуть, чтобы подправить макияж, взбить волосы
пышнее, обновить красный на губах, случайно вылезая за
контур. Ведь это гранж, детка.

Тоска – это просто слово из Википедии. Ответ на вопрос
в телевикторине: опера Джакомо Пуччини в трех действиях
на либретто Луиджи Иллики и Джузеппе Джакозы по одно-
именной драме Викторьена Сарду.

2019

Метка

Его тело распластано на столе, словно куриная тушка, готовая отправиться в духовку. Распотрошенная и оципанная. Почти. Я подхожу ближе, а он даже не дергается, поглощенный болевым шоком. Глаза больше не видят, уши не слышат, пересохшее горло выдает едва слышный хрип. Мои шаги звучат громче, хлюпанье обуви в крови не вызывает омерзения или чего-то такого. Он здесь для другого: напомнить мне, как это бывает, когда...

Опускаюсь на корточки и во все глаза наблюдаю за судорожным движением губ, за тем как грудная клетка опускается и поднимается так тяжело, словно все грехи мира лежат на ней. Очередной вдох. Подношу ладонь к раскрытому рту, чтобы почувствовать тот самый, последний момент, когда он захлебывается кровью. Любоваться тем, как расслабляется каждая мышца, как пустеет взгляд, как человек превращается в скульптуру. Для этого он сейчас здесь и еще немного после. Хочу посмотреть, как плоть начнет разлагаться.

Вытираю капли крови о джинсу, прекрасное изобретение человечества, и выхожу из комнаты, запирая ее на замок. В кабинете тихо. Я не пользуюсь современными изобретениями. Компьютер лишь имитация сверхразума. Фотография – иллюзия сохранности мгновенья. Записываю каждую секунду произошедшего в дневник. Память начинает подводить,

да и перечитывать бывает приятно. Как недавно, когда перечитывал томики из Лондона. 1888 год был восхитителен, сейчас немного сложнее. Жертву кто-нибудь начнет искать и все эти геолокации, джипиэс только подсказывают полиции, но я научился избегать этих неудобств. Бомжей никто не считает. В крайнем случае, даже если кто-то подберется ко мне слишком близко, если захочет причинить вред – метка защитит меня. Но за тысячи лет такого ни разу не было, инстинктивно все живое держится подальше, в опасности причинить вред.

Жертва. Сейчас так называют пострадавшего или погибшего человека. Неважно от аварии или руки убийцы. Думал об этом десятилетиями: кажется, они просто подсознательно пролитую кровь отдают своему богу. Делают то же, что и мы с братом делали очень давно. Понимают, что высшую силу интересует только кровь, а не какие-то плоды земли. Впрочем, как и тогда.

Кровавые подношения мне – все в этих томах рассуждений и мыслей, воспоминаний и планов – тянутся начиная с самой первой жертвы, самого первого греха. С единокровного брата, любимца родителей и Его. А за ним тысячи с ужасом наблюдают, как топор мясника рассекает плоть, замороженные блеском собственных кишок, продолжают орать. Это мой алтарь пропитанный кровью и нечистотами.

Я подхожу к двери в кладовую и включаю свет. Вот мой

иконостас: несколько десятков зеркал от пола и до потолка. Круглые и овальные, заключенные в рамку из пластмассы и дерева, а под ними лежит камень – тот самый, что стал первым орудием убийства на Земле. Мне кажется, нет. Все следы крови уже стерлись с него. Только моя память и фантазия добавляет красный в эту картину.

После проклятья сколько времени ушло на молитвы? Я стирал колени в кровь, разбивал лоб в поклонах, но Он оставался нем, и тогда я перешел к жертвоприношениям: стадами вел овец, коз и коров на убой, но Он оставался глух к моим просьбам и предсмертным крикам скота. Кровопролитие, за которое и был сослан, казалось самым логичным продолжением. Я вырезал внутренние органы, когда женщины были еще живы, под паническим взглядом мужчин отрезал их половые органы, пальцы и соски, пока они не падали в обморок. И тогда я вновь приводил их в чувство, не позволял умереть в забвении. Мне нужны были их крики даже на том свете, впечатывающиеся в Его уши, чтобы он наконец-то сказал мне: «Хватит!». А Он не сказал, сохраняя свое величественное молчание, пока я ломал голову.

Наверняка, где-то на страницах дневников, сохранился тот момент, когда все встало на свои места. Когда я понял, что зря ждал ответа откуда-то с небес. Он не заговорит со мной. Он не услышит молитвы и не примет жертвы. И уж тем более не остановит.

Все просто: зачем мне останавливать себя? Зачем прекра-

щать жертвы в свою честь? Зачем говорить себе: «Хватит!»?

Эти миллионы миллионов дней, историй и эмоций вокруг никогда не были проклятьем. Не могло ни одно существо на планете желать зла своему создателю. Не мог создатель сделаться смертным и оставить свое детище на произвол судьбы. Я не смог бы так поступить, нет.

Умиротворение растекается по венам, и я выключаю свет, возвращаюсь в кабинет и открываю новую страницу дневника. Нужно записать каждую секунду, пока не забыл.

«И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». Быт. 4:15

2020

Пророк

Для большинства учеников все изменилось, когда ты воскресил богача из Вифании.

Нам сказал, что Лазарь уснул. Но я-то знал: Лазарь болел и умер, так передали его сестры. Поэтому просили прийти в Вифанию. И ты пришел, и приказал ему жить, и Лазарь встал, а все вокруг испугались. Кто-то тебя. Того, что несет в себе это чудо и пришествие мессии. Тех перемен и войн. Ибо не может быть перемен без борьбы. Кто-то за тебя. И мы были в меньшинстве.

Или все изменилось, когда сказал о своей смерти, а апостолы не поняли. Были опьянены идеями грядущих перемен. Уверенностью, что еще долгие годы вместе будем строить царствие Бога на земле.

Для меня все изменилось раньше. Ночью, после того как Петр назвал тебя сыном божьим. Я видел сон, который наполнил душу таким отчаяньем, таким горем, что без возможности находиться в закрытой комнате, под крышей просто выбежал на улицу. А там стоял ты, обратив лицо к небу.

– Учитель, – вскрикнул я, но это все, на что хватило дыхания. Даже подойти к тебе не смог, упал на колени там, где стоял.

Ты прижал палец к губам, призывая быть тише. И действительно, ночь была удивительно безмолвной.

– Так предначертано, – ты снова посмотрел на звезды.

– С этим можно что-то сделать! Ты знаешь кто предатель? Видел его лицо? Мы можем разведать, можем проследить и если кто-то изменится в своем поведении, будем настороже. Не пойдем туда, где грозит опасность. – я тараторил, говорил слова на вдохе, просто надеясь, что поймешь.

– Сын Человеческий будет страдать и будет убит, но на третий день воскреснет.

– Ты не это видел, Учитель, – с укором. – Вечеря, твои ближайшие ученики, слова о предательстве и каждый норovit узнать не он ли предатель.

– Это то, что увидел каждый из двенадцати, – кивнул. – Я же всегда видел дальше. Мучения, боль, жертва.

– И мы можем...

– Нет.

Резкое, короткое, не терпящее возражений «нет» камнем поселилось в груди. Дни и ночи напролет мы делали, что должно. Ходили от города к городу. Ты лечил слепых, воскрешал умерших и проповедовал. Моим чудом было молчание. Ты не говорил об этом, но я понял – обсуждать с другими учениками, строить планы спасения или выявления предателя нельзя. Я думал, ты преподаешь мне урок смирения. Показываешь, как стойко надо принимать предназначение. В каком сладком неведении ты держал меня почти половину года! Пока не раскрыл свой план. Это случилось ночью. Почему всегда ночью ты говорил со мной о страшном?

– Я могу просить только тебя, – даже когда все спали, ты боялся быть услышанным.

– Все что угодно, Учитель.

– Знаю. Знаю, что твоя вера сможет выдержать...

– Отправь меня, куда захочешь. Хочешь я буду проповедовать самым яростным язычникам? Или, может, правителям Иудеи? Я могу.

– Ты должен пойти к первосвященникам...

– ... и передам им твое учение со всем огнем веры, что есть. Они...

– Ты должен пойти к первосвященникам и сказать, что готов передать меня в их руки.

– Что?

– Ты должен пойти к первосвященникам и сказать, что готов передать меня в их руки. Возможно лучше назначить какую-то цену. Да. Чтобы им был понятен поступок. Попроси за это плату, – ты кивал самому себе и не смотрел на меня.

– Ты говоришь о предательстве, – не веря своим ушам, я назвал вещи своими именами.

– Нет. Я прошу тебя об этом. Прошу оказать мне величайшее доверие. Прошу показать, насколько сильна твоя вера. А она сильна, я знаю.

– Просишь покрыть мое имя позором. На века. Меня возненавидят друзья и близкие. Все твои ученики будут плевать мне вслед и никогда больше не заговорят. Того хуже забьют камнями. Просишь меня пойти на жертву!

– Все, что ты делал до этого момента, было жертвой.

– Нет. Я был бесчестным. Я воровал. Ты дал мне...

– Если кто желает быть моим последователем, пусть отречется от себя и, каждый день взяв крест, следует за мной. Ибо тот, кто хочет сберечь жизнь, потеряет ее, а кто потеряет жизнь ради меня – спасет ее, – я вспомнил, ты повторял проповедь. Но не был готов, что ты используешь ее против меня.

– Как мне спорить с тобой? – без сил я выдохнул и вдохнуть полной грудью уже не смог.

– Не спорь. Не гневись. Так нужно и только ты, только вера такой силы сможет выдержать уготованное тому, кто предаст...

– Предаст.

– Да, для остальных это будет предательством. Как сын божий выглядит для большинства сыном человеческим пока не представит доказательств своей божественности.

– И ты требуешь доказать силу моей веры?

– Я знаю, что она сильна.

– Знаешь больше и видишь дальше, чем дано твоим ученикам.

Слов не осталось. Сил шевелиться тоже. Я не сомкнул глаз до утра, хоть нам и предстоял путь до Иерусалима. Всю дорогу до города мог думать только об одном: ты знаешь. Знаешь, что я согласился, поэтому и затеял этот разговор. Ты знаешь. Все знаешь. Ты видел, как я согласился. Кто я такой,

чтоб ставить под сомнения решения учителя. Мы назвали тебя сыном Божиим. Мы признали: тебе предстоит больше, чем любому другому. Мы... Мы все происходящее подталкивали к этому самому моменту. Нет. Не мы. Думать так – считать себя равным Богу. А это гордыня. Бог сделал веру своим орудием. И противиться этому – противиться Господу.

Вход в Иерусалим помню смутно. Уже потом из разговоров апостолов узнал, как по-царски встретили тебя в проклятом городе. Как и про смоковницы или очищение храма. Каждое из этих событий казалось чем-то важным и чем-то незначительным перед предстоящим. Только тот, кто ничего не знал, мог спать спокойно. И это был не я.

Дни и ночи слились в одно бесконечно тянущееся мгновенье. Оно не могло закончиться. Оно, казалось, кончится в следующий миг и я не успею. Предам тебя своим бездействием.

Я думал об этом? Или дьявол искушал меня? Не знаю. Думал оставить все и сбежать. Бежать в другой город, в другие земли. Учить людей слову твоему и узнавать события из слов на чужих языках. Учить людей, которым будет все равно, что произошло где-то далеко-далеко в Иудее.

Думал об этом накануне. Даже собрал в узел пожитки и немного еды, хлеба и воды, которых хватит чтобы дойти до следующего города. И уже собираясь покинуть тебя, понял, что это будет настоящим предательством. Ведь кто-то все

равно предаст, как-то тебя все равно схватят. Только к этому поступку ты уже не будешь готов, уверенный во мне.

И я остался. Я пошел к первосвященникам и сказал, что помогу солдатам взять того, кто имеет смелости называться мессией. И почти провалил все дело, когда Каиаф, подозрительно глядя сверху вниз спросил:

– А тебе, что с этого?

– Что? – я сначала и не понял к чему он ведет.

– Твоя выгода?

– Я... – вспоминая, что ты говорил мне, – мне нужна плата.

– Тридцать сребреников достойная плата за бродягу, – довольно протянул Анан.

Мне оставалось только сглотнуть ком в горле и кивнуть, пообещав уличить подходящий для ареста момент.

Соврал. Я точно знал этот момент. Видел его тогда месяцы назад в видении и чувствовал его приближение. В тот вечер все повторилось, будто уже было. Именно так, как я видел в сотнях кошмарах. Гефсиманский сад, вечера, двенадцать апостолов и ты, напоминающий о предательстве. От потока «Не я ли?» закружилась голова. Захотелось подняться и закричать: Я! Это я!

Но твой взгляд снова потребовал от меня чуда молчания и я подчинился. Как и Иоанн, несомненно, догадавшийся о моей роли. О той роли, которую ты назначил мне.

Я не смог сидеть на месте и торопливо пошел из дома,

на улицу, к воинам, которые должны были по моей указке совершить страшное. Твое спокойное: – что делаешь, делай скорее, – мне в спину, только ускорило шаги и усилило слезы, их приходилось вытирать сразу после появления на глазах. Невозможно было выдать себя ничем.

Представил, что это не я вел воинов к тебе. Не я договаривался о знаке, который подам. Не я подошел к тебе, раскрыв объятия, восклицая: – радуйся, Равви!

Не я поцеловал тебя. Не я услышал: – друг, для чего ты пришел?

Не я. Только разбившись моя душа смогла сотворить это «чудо». И не я видел деяние свое – тебя, умирающего на кресте за наши грехи. За мои грехи.

Мне не нужно было серебро, что тянуло пояс к земле, но первосвященники не приняли его обратно. Они праздновали, они радовались. Они сказали: – что нам до того? – и я бросил сребреники в храме, и ушел.

Вспомнил о твоих словах, переданных ученикам в вечер перед арестом. О заповедях апостолы говорили, стоя у Голгофы, а я услышал, оставшись неузнанным в своей горе. «Возлюби Господа твоего всем сердцем и всею душою и всем разумением» Ты знал, что мне это не понадобится, да? Уже тогда? Наверняка знал.

2021

Обложка сгенерирована в AI Midjourney (с разрешением на

коммерческое использование).